

В. Н. Коротаяев

ЭКСПЕДИЦИОННЫЕ ОДИССЕИ

(воспоминания и дневники географа)

МОСКВА 2019

УДК
ББК
К

К **Коротаев В. Н.** Экспедиционные одиссеи (воспоминания и дневники географа). М.: АПР, 2019. – 124 с.: цв. илл.
ISBN

Автор со студенческих лет участвовал во многих экспедициях (на озере Иссык-Куль; в низовьях и дельтах рек Сев. Двина, Таз, Пур, Енисей, Лена, Яна, Индигирка, Колыма, Волга, Дон, Кубань), где делал записи обо всех интересных событиях. Его полевые дневники помогают ощутить специфику географических исследований и все трудности и романтику экспедиционного быта, а также окунуться в действительность советского периода.

УДК
ББК
ISBN

© Коротаев В. Н., 2019

Предисловие

В сентябре 1956 года я стал студентом географического факультета МГУ. Началась моя новая жизнь и становление как научного исследователя. Выбор направления моей будущей работы был предопределен профессиями ближайших родственников. Мой отец (Коротаев Николай Иванович) был профессиональным геодезистом (в далекие 30-е годы окончил Омский сельскохозяйственный институт); дед – Попов Александр Николаевич – закончил Лесной институт в Петербурге, занимался таксацией леса и долгое время работал в Министерстве лесного хозяйства; дядя по материнской линии – Попов Евгений Александрович – учился на географическом факультете Педагогического института им. Потемкина, стал океанографом и исследовал динамику береговой зоны морей; родственник по бабушкиной линии – Галактионов Василий Дмитриевич – закончил Московский геолого-разведочный институт (МГРИ) и работал в Институте «Гидропроект» имени С.Я. Жука, занимаясь проектированием гидротехнических сооружений (плотин волжского каскада и Асуанского водохранилища).

До поступления в МГУ мне пришлось поработать пикетажистом в топогеодезическом отряде Военпроекта № 210 КЭУ МВО для выработки трудового стажа (в то время рабочий стаж и служба в армии учитывалось при поступлении в вуз), где служил мой отец. За год трудовой деятельности в проектной организации я научился обращаться с геодезическими приборами (теодолит, нивелир), получил навык ручного бурения скважин. Иногда мне даже доверяли проводить геодезические работы, например, по передаче абсолютных отметок от опорного репера к объектам. Впоследствии накопленный опыт полевых изысканий мне очень пригодился в самостоятельных экспедиционных исследованиях.

Необходимым условием для полевых факультетов МГУ (геологического, географического и биолого-почвенного) было участие в экспедициях, где студенты собирали материал

для своих курсовых и дипломных работ, а научные сотрудники – для будущих статей и монографий. Навыки экспедиционных работ студенты получали во время учебных практик на Учебно-научных станциях (УНС) – Красновидово (позже – Боровск) для географов, Чашниково – для биологов и Бодрак (Крым) для геологов. Моими первыми учителями на учебных практиках были Н. В. Жуков (кафедра геодезии и картографии), Т. А. Добрынина (кафедра геоморфологии), И. А. Орлова (кафедра общей физической географии и палеогеографии) и др.

Т. А. Добрынина и группа геоморфологов в Крыму

*Учебно-научная станция Геологического факультета МГУ
(Крым, с. Бодрак)*

Группа геоморфологов (Крым, Большой каньон)

Летние полевые практики

После первого курса обязательной была физико-географическая практика в Хибинах и на Кавказе, но по согласованию с учебной частью нескольким студентам (мне, Роману Чалову, Олегу Борсуку и Славе Григорьеву) разрешили заменить ее производственной практикой в Северодвинской экспедиции географического факультета, которой руководил профессор Н. И. Маккавеев. Это событие, как оказалось, во многом определило и всю мою дальнейшую судьбу и научную карьеру.

Северодвинская экспедиция положила начало созданию в 1961 г. Русловой экспедиции, которая просуществовала на географическом факультете долгие годы (1961–1990 гг.), выполняя различные исследования на крупных реках бывшего СССР, а после его развала на территории Российской Федерации.

Северодвинская экспедиция 1957 г. должна была по заданию Котласского технического участка Северного бассейнового управления пути (СевБУП) исследовать серию проблемных перекатов на р. Северная Двина от Котласа до Нижней Тоймы и дать практические рекомендации по улучшению их судоходных качеств. В состав экспедиции входили научные сотрудники кафедры геоморфологии географического факультета МГУ Е. А. Сахарова (двоюродная сестра академика Сахарова!) и лаборант А. И. Дрябзгов, а также сотрудник Центрального научно-исследовательского института инженеров водного транспорта (ЦНИИИВТ) К. П. Вышлов и студенты Саша Костяев, Надя Бухвостова (Лаптева), Роман Чалов, Олег Борсук и я.

Руководство технического участка выделило для нашего проживания брандвахту (жилой дом на 18 человек с отдельными одно-, – двух и четырехместными каютами на металлическом понтоне длиной 30 и шириной 6 м с камбузом и каюткомпанией), которую должны были буксировать теплоходом по маршруту наших изысканий. Всем этим хозяйством управляла довольно живописная супружеская пара: шкипер Клава (она же – повар) – низенькая худощавая женщина средних лет

и моторист Николай Протасов – здоровенный белобрысый парень с развевающимся чубом, которые постоянно переругивались и матерились.

Северная Двина

1957 год

25 июля. Вечер. Грязный Лименский затон в 6 км от города Котласа. В мутной коричневой воде сверкают спинки плотвы. На поверхности воды плавает мазут и всякая сточная дрянь. Тихо. Изредка завоет сирена буксировщика или донесется брань шкипера. Стоит необычная для этих мест жара. Лежу на крыше брандвахты, доски которой за день основательно прогрелись и сейчас медленно отдают тепло мне и воздуху. Со стороны городского парка доносится музыка.

Весь день мы обычно проводим в Котласком техническом участке Иртышского бассейнового управления водных путей (ИрБУП), копируя многочисленные планы перекаатов, а вечером возвращаемся автобусом на брандвахту, где я и Слава Григорьев занимаем 2-х местную каюту. Стены каюты завешаны охотничьими ружьями, биноклями, патронташами, а ящики стола забиты банками с дробью, порохом, капсюлями и пыжами. Специально для этой экспедиции купил одностволку 16 калибра ижевского завода, а до этого вступил в охотничье общество и тренировался в стрельбе по «тарелочкам» на специальном стенде. Забегая вперед, скажу, что ружье это прошло со мной долгий путь, пока его в 80-х годах не украли с экспедиционного склада в поселке Тазовский, вместе с другим казенным имуществом.

Спальные места в каютах защищены от комаров марлевыми пологами, но ночью спать под ними очень некомфортно из-за духоты. Приходится время от времени окунаться в мутные воды затона, чтобы немного освежиться и спокойно спать до утра.

Город Котлас расположен в 2,5 км от устья р. Вычегды, которая впадает в Мал. Северную Двину, на месте зырянского поселения Пырас, основанного в 1890 г. Река – широкая, с сильным течением, из-за молевого сплава древесины забита топляками и просто плывущими бревнами. Движение по реке не очень оживленное, – редкие буксиры и самоходные баржи. Сам город

больше похож на большой поселок городского типа: единственное 3-х этажное здание занимает Госбанк, асфальтирована одна центральная улица (Луначарского); основная часть города – это одноэтажные старые домишки и деревянные тротуары, по которым еще надо уметь ходить, чтобы не сломать ногу. Дороги представляют собой деревянные торцовые мостовые, по которым ходит общественный транспорт – 3 старых разбитых автобуса и 3 такси. На рынке все привозное (от картофеля до вина) и очень дорогое. А ведь Котлас в начале прошлого столетия выполнял важную функцию перевалочного центра в снабжении Архангельской губернии дешевым хлебом!

Наш опекун и наставник – Александр Иванович Дрябзгов – своим зычным голосом и бородой очаровал местных женщин, которые так и замирали с разинутым ртом, когда на рынке появлялся коренастый, загорелый и бородатый «колдун» (так его окрестили) и громким голосом спрашивал: «А почему ты весь с корзинкой?». Нас он обычно тянул проверить «холодное ли вино у грузина?», которое действительно было вкусное и холодное и спасало от жары.

29 июля. Этот день можно считать переломным в нашей затянувшейся городской жизни, которая нам порядком надоела. Сегодня нашу брандвахту должны буксировать вниз по Бол. Северной Двине до с. Телегово (40 км ниже Котласа), где наконец-то начнется наша первая настоящая экспедиционная работа.

Буксирный теплоход № 28 пришел поздно вечером, и мы успели погрузить на брандвахту 200-килограммовую бочку с бензином и здоровенные деревянные брусья для швартовки баржи, а также прослушать лекцию проф. Н. И. Маккавеева по русловым процессам.

Во время приготовлений к буксировке пришлось проделать многое, прежде нам незнакомое. Например, Олегу Борсуку поручили крепить причальный канат на кнехты, который он просто намотал как на катушку с нитками (надо было уложить «восьмерками») и был посрамлен матросами с буксира. Я же отделался легким испугом, отдавая чалку, – отдать-то я отдал, но потом стал следить, чтобы канат не запутался, забыв, что брандвахта уже поплыла. Но все обошлось благополучно под «матерки» команды теплохода, и мы наконец-то покинули надоевший нам всем Лименский затон.

Брандвахта – наш плавучий дом

Буксир ведет нашу брандвахту под бортом. Мы со Славой Григорьевым стоим на крыше и с наслаждением вдыхаем свежий речной воздух. Уже совсем стемнело, по берегам мигают огоньки редких деревень, на реке – речной обстановки. Остальные члены экспедиции собрались на баке (носовая часть судна) и слушают байки профессора про попа-«гидротехника» из с. Комарицы, который с каждого прихожанина брал по камню для укрепления берега, на котором стояла церковь. Усердные селяне натаскали к подножию яра огромную грудку валунов.

***30 июля.** Под утро нашу брандвахту поставили ниже с. Телегово, возле домика бакеничника у крутого песчаного обрыва. Забили причальные сваи, чтобы не снесло баржу из-за сильного течения. Тихо, безлюдно, только кричат чайки.*

Проф. Н. И. Маккавеев и К. П. Вышков обучают студентов, как надо крепить причальный канат

До начала работ исследовали местные «джунгли» (заросли ивняка), опробовали ружья и наладили удочки. После обеда получили разрешение порыбачить за Двиной в Деревенском полое (рукав реки), где высадились на островке, похожем на пустыню из-за сплошных песчаных дюн. В местном озерке водились утки, но охота не удалась, как и рыбалка. Под вечер вернулись на брандвахту голодные, холодные, без рыбы и уток.

1 августа. *Подъем в 7 утра, довольно плотный завтрак. Мне, Роману и Олегу поручили передавать абсолютную отметку от репера на нашу съемочную магистраль. За день прошли вдоль берега 800 м теодолитного хода и сделали один нивелирный профиль.*

Берег крутой, зарос ивняком, так что приходилось прорубать просеки. Около деревни Кузнецово наткнулись на старый полый с утками. Решил попытать счастья и пополз с ружьем к озерку, а Роман и Олег наблюдали за мной в трубу теодолита. Опять неудача, – утки заметили меня и взлетели раньше, чем я успел выстрелить.

Вечером решили со Славой снова порыбачить. Сходили в деревню за червями и наконец-то наловили окуньков, язей и плотвы. Заметили плывущего по реке здорового налима и решили присоединить его к нашему улову, скрыв от всех его происхождение. На ужин все с удовольствием поедали нашу рыбную добычу!

3 августа. Ночью на брандвахту ломилась подвыпившая толпа неизвестных людей, требуя дать ночлег. Был страшный шум, ругань. Я даже несколько раз выстрелил в воздух из ружья, а шкипер отчаянно материлась. Потом разобрались и разошлись с миром. Оказалось, что рабочие спьяну спутали нашу брандвахту с путевой, где они размещались.

4 августа. Лежу один на песчаном побочке (прибрежная отмель, обсыхающая в межень). Жарит солнце, и ветер с реки не приносит прохлады. Сегодня я занят на гидрометрических работах, – ставлю створы, а Слава Григорьев и Константин Павлович берут пробы донного грунта. Что-то у них не ладится, все время возвращаются на брандвахту менять щупы. Сейчас их нет уже 2 часа. Жара и скука. Хочется кушать.

Наконец из-за косы послышалось долгожданное туканье лодочного мотора. Привезли мне хлеба с маслом и двух собак для веселья. Оказалось, что все донные щупы и дночерпатель не пригодны для отбора грунта в реке с сильным течением. Решили вернуться к старому способу петровских времен и отбирать пробы наметкой (промерный шест с дециметровыми делениями), конец которой обернут калькой, пропитанной масляной краской. И это сработало! Кстати, при Петре I для определения донного грунта опускали пушечное ядро, смазанное салом.

Вечером сходили в село за хлебом, которого достали лишь две буханки. Село большое, дома стоят в несколько рядов. Сами дома очень необычные: широкие и высокие, с крытым подворьем. В селе есть столовая, а по вечерам «крутят» кино.

7 августа. Мы уже на новом месте – районном центре Красноборск в 54 км ниже Котласа. Город напоминает Котлас, только тротуары и дороги еще хуже. Улица в Красноборске всего одна; есть пристань-дебаркадер с рестораном и березовая аллея над рекой, где вечерами собирается немногочисленная публика. В магазинах хлеб с перебоями, сахара нет, промтовары очень бедные.

Брандвахта стоит под высоким обрывистым берегом около березовой аллеи. Сильный ветер, волна и мелкий дождь. Сходили на моторке в Усть-Евду, где у бакенщика узнали, что огромный массив песков, отмеченный у нас на карте под левым берегом, смыло за последние 4 года. Потом по пойме двинулись в направлении дачи местного художника Борисова и обнаружили уникальное сооружение – участок берега реки, огороженный по обоим берегам столбами высотой до 4 м и толщиной до 0,5 м! Это сделано для задержания сплавного леса, чтобы он не попадал на пойменные сенокосы.

Дача Борисова стоит на высоком коренном берегу и окружена рощей из сосен, елей и берез, которые насадил сам художник. Постройка деревянная, но очень симпатичная, сделанная по чертежам хозяина. Дачу у художника отбирали 2 раза: сначала в начале революции (вернули по указу В.И. Ленина), а потом после смерти художника передали костно-туберкулезному санаторию. Рядом с дачей теперь – лагерь заключенных.

Продолжаем снимать песчаные отмели (осередки и побочни). Сегодня меня, Олега Борсука и Славу Григорьева десантировали на один такой остров. По дороге волна заливала лодку, а на берег пришлось идти по колено в воде, т.к. лодка из-за мели не могла подойти ближе чем на 100 м. Пески от сильного ветра «курятся», летящий песок забивает инструмент и все отверстия в одежде, а сверху моросит мельчайший дождик. К середине дня, когда у всех от голода «подвело» животы, выяснилось, что приготовленную еду забыли в лодке.

При возвращении на брандвахту нас ждал приятный сюрприз – теплая-пре теплая баня и превосходный ужин из 2-х блюд и полстакана водки!

8 августа. С утра погода испортилась, и все топографические работы были отменены. Нас со Славой отправили на моторке отбирать донный грунт по выставленным на берегу створам. Часа за 2 сделали 6 створов и пошли домой. За 200 м от брандвахты налетели на топляк и сорвали шпонку на гребном валу. В лодку стала набираться вода, и чтобы устранить повреждение, пришлось пристать к берегу.

После обеда Екатерина Ивановна вернулась из маршрута и хотела отправить нас со Славой на пески с теодолитом, но обнаружили, что нивелирную рейку смыло волной в реку. Пришлось

нам сидеть целый день на крыше брандвахты, выстругивая и раскрашивая новую.

Вечером сделали еще одно доброе дело – вывесили флаг и фонарь на клотике мачты.

10 августа. Стоим под высоким (до 6 м) берегом, сложенным пермскими пестроцветными глинами, на Нижне-Шиловском перекате, в 10 км от остановочного пункта Пермогорье.

*Проф. Н. И. Маккавеев и студенты на полевых работах
(Олег Борсук и В. Коротаев)*

Объявлен день отдыха. Погода хорошая, на брандвахте не сидится. Пошли изучать окрестности и наткнулись на целое поле спелой брусники, которую долго ели горстями. Потом заглянули в ближайшую деревню, имевшую два названия – Фоминское и Горки (оказывается все деревни здесь имеют несколько названий – официальное и местное). В деревне нас приняли за беглых «зэков» (мы были в телогрейках и кирзовых сапогах) и хотели сдать в милицию.

11 августа. Рано утром ушли вместе с Александром Ивановичем Дрябзговым в маршрут вдоль коренного берега Северной Двины. Нам предстояло пройти около 14 км в одну сторону и откорректировать старую топографическую карту. Сначала пытались идти по верхней кромке береговых обрывов, но многочисленные глубокие овраги заставили нас спуститься вниз и двигаться по бичевнику (сухопутная тропа вдоль реки). Выручала увязавшаяся за нами собака: она находила наиболее удобный путь, а мы шли за ней.

Скорый на ногу Александр Иванович «шпарил» как заведенный, я едва поспевал за ним. Часа через два пришли в конечный пункт нашего маршрута – деревню Колотово, которая состояла из 5 дворов. Дома все 2-х этажные: верхний был жилой, нижний – подвал и скотный двор. Босоногая девчонка показала, где можно купить молока. Долго не могли найти «парадный» вход, все время попадали в хлев. Наконец по шаткой и крутой лесенке поднялись в жилую часть дома, где хозяйка вынесла нам целую миску молока, взяв 3 рубля. Хозяйка рассказала, что у нее много дочерей, но все они разъехались по разным ближайшим городам. В колхозе не хватает рабочих рук, не успевают собирать урожай льна, картофеля, – все это гниет в поле под дождем.

Из маршрута вернулись поздно вечером, но перед ужином успели искупаться в Сев. Двине. Вода была холоднющая, и местные вышли поглядеть на «ненормальных» москвичей, но мы смыли всю усталость и поужинали с большим аппетитом.

12 августа. День этот можно считать историческим в нашей экспедиционной жизни. Утро выдалось тихим, солнечным и теплым; так хорошо еще не было никогда. Я и Роман Чалов пошли в самостоятельный маршрут для изучения геоморфологии поймы, уточнения положения и размеров побочня у с. Воронцовское. До 3-х часов дня тащились по бесконечным пойменным пескам, а потом решили немного передохнуть и полакомиться малиной и голубикой. Ориентировались мы по аэрофотоснимку залета 1938 г., часто путались и в итоге дали лишний крюк из-за болотистых мест, оказавшись к вечеру в 3 км от конечной точки нашего маршрута.

Обратный путь проделали по берегу реки, вспомнив рассказ бакеника, что в этом месте землесос намыл дамбу поперек залива, соединив полуостров с берегом. Осторожно перешли

еще свежую свалку грунта, как совсем стемнело, но тут мы увидали, что через реку низко-низко несется стая уток. Плюхнулись они в воду где-то рядом, свистят и крякают. Пошли медленно и тихо на эти звуки и недалеко в траве с трудом разглядели головы уток. Выстрел оказался удачным, – мы впервые за все время работ на Сев. Двине добыли очень крупного селезня. После такой удачи обратный путь проделали быстро, и к 12ч ночи пришли на брандвахту, где узнали, что остальные охотники тоже отличились и подстрелили 3-х уток. День задался!

13 августа. Солнечно. От реки тянет прохладой. Все начальство уехало на осмотр геологических обнажений, а мы сидим на брандвахте и чертим перекааты. Дежурного Славу Григорьева заставили заводить пластинки, – все-таки не так скучно.

Екатерина Ивановна Сахарова вернулась к 6 часам вечера, и разрешила нам съездить за реку на озера. Разделились на две

Проф. Н. И. Маккавеев в маршруте (за рулем моторист Коля)

группы, и я с мотористом Колей пошел к ближним озерам. Подходил тихо, но все же вспугнул пару чернтей. Стрелял навскидку и одну подстрелил, но подранок забился в траву и я его не нашел. Еще раз три стрелял, но неудачно. К лодке пошли, когда совсем стемнело. Александра Ивановича нет, где-то заплутал в кустах. Слышим, зовет нас своим традиционным «агу».

Оказывается забрел куда-то и не может перейти вброд цепь озер. Пришлось на скорую руку соорудить что-то вроде гати, по которой он перешел к нам, и мы бегом помчались к лодке, т.к. увидели, что к нашей брандвахте подходит буксировщик. Мотор как на грех долго не заводился, и буксир успел утащить брандвахту вниз по течению на полкилометра. Бросились в погоню, но не могли догнать, т.к. тяжелую деревянную лодку мотор еле тянул. Пришлось стрелять из ружья, чтобы сбавили ход. Кое-как причалили (помог Роман Чалов, зацепив багром лодку), и выбрались на борт брандвахты.

19 августа. Проснулись от сильного стука в дверь каюты, – подъем! Позавтракали и поехали на съемку в Песчаный полый (речная протока). Греблись около часа против течения и высадились на пустынные пески: тишина, жарит солнце. Обнаружили, что забыли мешочки для образцов. Роман и Саша-моторист поплыли обратно. Устанавливаю теодолит и начинаю обозревать окрестности. Замечаю вдалеке человека, направляющегося ко мне. Пододвигаю поближе топор, – чем черт не шутит. Места здесь глухие. Неизвестный оказался местным жителем, который рассказал, что такая жара в этих местах бывает не часто, холода наступают в сентябре, а ледостав начинается в ноябре.

Вернулись ребята, и мы приступили к съемке. Жара, тихо, только жужжат мухи и вьется мошка. На песке много журавлиных следов и помета, среди которых заметил пустую банку из-под голубцов. Закусывали птички? Под вечер прилетели три журавля, но заметили нас и побоялись сесть.

По возвращению на брандвахту нас ждал сюрприз, – передохнуть и плыть на съемку трех небольших побочней в 6 км ниже по течению. Попили чайку, и через полчаса были на месте. Работы оказалось немного, часа за 2 справились и стали ждать обещанную моторку. Дождались неожиданного шквала с ливнем. Едва успели укрепить лодку и попытались укрыться в ивняке,

но через несколько минут промокли насквозь. Когда дождь поутих, отжали одежду и решили грести против течения к брандвахте. По дороге нас нагнали два пассажирских парохода, волной от которых нас выкинуло на берег. Пришлось дальше тащить лодку бичевой под «Дубинушку»: Роман и Саша тянули, а я отпихивал нос лодки шестом. Бурлачить пришлось недолго, т.к. на нашем пути возник пролив между островом и осередком (полунадводная отмель посередине реки). Последние 7 км шли на веслах, греб я и на удивление совсем не устал. На брандвахту вернулись затемно. Сквозь сон слышал как матерился моторист, который все-таки поехал за нами, но нас уже не было на месте.

20 августа. Черный день. Ходили вместе с Екатериной Ивановной в маршрут, где она пыталась вложить в наши головы азы по геоморфологии речных пойм. Подвернул ногу и очень страдал от боли в ступне. Потом попали под сильный ливень, и вымокли до нитки. До брандвахты своим ходом добраться не могли, т.к. она стояла около острова, а переплывать протоку не было охоты. Стали ждать моторки, и чтобы согреться развели костер. Тут черт меня дернул оторвать кусок доски от борта старой лодки для поддержания костра. Короче, через полчаса явился хозяин лодки и свидетель в лице старухи («Вон тот в шляпе отломал!»). Шум был большой, но местные были шокированы нашим внешним видом и, видимо, даже принимали нас за беглых «зэков»: Екатерина Ивановна была одета в старенькую ковбойку и выдавшие виды шаровары, а по своей комплекции могла сойти за «давно не евшую». На мне была тельняшка, разодранная на спине от воротника до пояса, ковбойка и шляпа. В общем, когда пришла моторка и все поняли, что мы люди из московской экспедиции, хозяин пообещал подать на нас в суд.

На следующий день мы со Славой Григорьевым по приказу начальства поехали на место вчерашнего происшествия ремонтировать лодку. Поскольку мы в этом деле ничего не понимали, то хозяин лодки, насмотревшись на наши старания и, опасаясь, как бы мы не разобрали лодку по частям, забрал у нас гвозди и доску, которые мы привезли с собой и сказал, что починит все сам. Через полчаса мы были уже приятелями, и пообещали распить с ним пол-литра, что позже и сделали «за упокой лодки».

23 августа. Проснулись от стука в дверь и крика нашего шкипера и поварихи Клавы: «Вставайте, уже наклала!». Когда

умывался, подошел моторист и стал советоваться, сколько масла заливать в бак с бензином (ого, местные стали уважать!). Вообще у меня с ним установились вполне хорошие отношения: я – рулю, а он возится с мотором. Помню, мой первый дебют в качестве рулевого, когда К.П. Вышков оценил мои действия длинным предложением, состоящим из одних междометий. Сейчас совсем другое дело, – набрался опыта.

Получили задание (я, Саша-моторист, Слава и А.И. Дрябзгов) – измерить расходы воды в полях Рубежском и Овнюгском, расположенных напротив с. Ягрыш. Наладили вертушку и отплыли на моторке, которая тащила вверх по течению весельную лодку. В полый вошли благополучно, не срезав шпонки на входной отмели. Не успели поставить теодолит, как налетел шквал дождя с громом и молнией. Пришлось прятаться от дождя на сенопункте под навесом, а потом перебрались на чердак пустующего дома. Не переждав дождя, пошли работать. Когда переехали в Овнюгский полый, погода совсем испортилась, да еще стала одолевать мошка. Все измерения закончили к 8ч вечера, и поплыли на брандвахту, где нас должен был ждать ужин. Увы, он был не готов, и мы, взяв ружья, пошли на озера. Подстрелил двух уток, которых достала наша собака Мурза. На ужин был суп, молоко и картошка, которую мы давно не ели.

Готовимся отправиться в маршрут (А.И. Дрябзгов, Слава Григорьев и моторист Коля)

25 августа. В 10 ч утра пошли на гидрометрию уже сложившейся компанией: Дрябзгов, моторист Саша и я. Погода явно не рабочая – сильный ветер и волны. Из-под носа лодки летят брызги до самой кормы, заливая рулевого (меня). Лодка то ныряет в волну, то взлетает на гребень. Мы орем что-то несвязное, потешаясь над трусом мотористом. Наконец приходим на нужное место, где пересаживаемся на гребную лодку и на веслах пытаемся дойти до берега. Налетели на мель, лодку сразу развернуло к волне кормой и стало заливать. Пришлось раздеваться, лезть в воду и на руках тащить нашу деревяшку к берегу, окунаясь с головой на глубоких местах. Удачно проскакиваем из главного русла в полый (рукав). С песчаного осередка (отмель посредине реки) сильный порывистый ветер срывает мельчайший песок и засыпает нам глаза, нос и уши, лезет за шиворот. Сильная крутая волна очень мешает работе. Решаем вернуться

на брандвахту и обсудить с начальством сложившуюся ситуацию.

Гидрологические работы отменяют, и мы, поев вкусной гречневой каши, едем на геодезию. После ужина зажигаем огромный костер и орем песни. Это обычный наш рабочий день.

26 августа. На брандвахте тихо, все спят. В каят-компании сижу я (ночной дежурный) и Александр Иванович, который снаряжает патроны. Второго дня ждем буксировщика, поэтому работы свернуты до минимума. Днем начальство с двумя студентами ушло в маршрут, а Роман, Олег и Надя Бухвостова пошли снимать пески (осередки и побочни). Я с мотористом Николаем решили поохотиться на этих же песках, но неудачно. За это время брандвахту буксир утащил в Ягрыш (80 км ниже Красноборска), поэтому нам пришлось своим ходом сплавляться вниз по течению. Мотор барахлил, «чихал», плевался водой и еле тащил моторку, на винт которой к тому же намотались водоросли.

Догнали брандвахту, подзаправились и опять пошли охотиться на уток. Бродили до самого вечера, но не видели даже утиных следов. Хотели было возвращаться, но решили пройти еще вниз по течению, и вдруг обнаружили настоящую утиную «жилу». Развеваемые ветром пески пересыпали полую и образовали несколько мелких озер – истинный рай для уток. Одна беда для охотников – совсем открытое место. Пришлось ползти по-пластунски по песку, высохшему илу и жидкой грязи. Когда нажимал курок, то руки тряслись от напряжения, а в горле хрипело, но две черняти стали моей добычей. Вид у меня был, конечно, не ахти, – весь в грязи, на зубах скрипит песок!

Александр Иванович, как всегда, опаздывал к назначенному сроку к лодке. Долго призывали его криками. Вдруг видим, что от брандвахты несется гребная лодка, аж весла гнутся, с Романом и Олегом; сами перепуганные, пот льется ручьем от напряжения. Оказалось, что им почудилось, будто мы просим помощи, – вот и помчались на выручку. Какие молодцы!

Вот теперь на дежурстве сижу и ощипываю уток, а что бы не уснуть одновременно читаю Жюль Верна.

27 августа. Проснулся поздно, когда все собирались в маршруты. Мне, как ночному дежурному, положен день отдыха. Уплетая холодную гречневую кашу, придумываю, как провести день. Во-первых, надо опалить и выпотрошить вчерашних уток и отдать их в распоряжение поварихи Клавды; во-вторых, за-

штопать тельняшку и заклеить сапоги и, наконец, порыбачить и помыться в бане!

Отхожу подальше от брандвахты и принимаюсь за уток, но через 10 минут бегу обратно и поливаюсь диметилфтолатом – одолела мошка. Промытых и посоленных уток вручаю Клаве и принимаюсь за рыбалку. На муху никто не берет. Нашел старую лепешку (хлеб у нас давно кончился) и соорудил снасть без поплавка и грузила, которую пускаю по течению и равномерно подсекаю. Через час у нас уже варится уха из 10 плотвичек. Наворачиваем ее вместе с вернувшимися Александром Ивановичем и Славой Григорьевым. Хороша уха!

Вот теперь можно и в баньку, которая особенно приятна в экспедиционных условиях. Напарился основательно: Клава любит тепло и не жалеет дров. Стараюсь вздремнуть, но очень мешает тарактение лодочного мотора, который пытается наладить моторист.

28 августа. Обычный трудовой день. Мотор окончательно отказался работать, и пришлось идти на гидрометрию на гребной лодке бичевой. Погода позволяла, – солнце и безветрие. Часа три тащились по пояс в воде под «Дубинушку».

После работы решил заглянуть на озера и удачно одним выстрелом подстрелил двух уток, которых там же и оципал. Когда вернулись на брандвахту, нас ждал сюрприз – приходил теплоход «Пинега» и привез хлеба и помидор. За ужином так наелся, что стало трудно дышать, – пожадничал и перебрал!

На сон грядущий прочитал несколько рассказов О. Генри.

31 августа. Последний день лета. Еще тепло и нет дождей, но по утрам стоит туман над рекой.

Моторист совершил чудо – завел мотор, и теперь не выключает его до вечера. Заканчиваем гидрометрию (измеряем расходы воды) в Ильинском покое и собираемся поохотиться всем наличным составом. Сначала ничего не получается, т.к. перед нами местный охотник распугал всех уток, стреляя из мелкокалиберной винтовки. Решаем попытать счастья в рыбалке, берем бредень и по горло в воде тралим местные озера. Наловили шурят на жаркое для всех.

На брандвахту вернулись поздно вечером. Плотно поужинали: щи, рисовая каша и жареная утка. Завтра нас буксируют на новое место.

1 сентября. Ждем буксировщика, но его, как всегда, в назначенный день нет. Занимаемся обработкой полевых материалов, разбираем грунты. Потом начальство решило отправиться на глазомерную съемку острова. Плыдем вниз по течению на гребной лодке (Екатерина Ивановна, Надя Бухвостова, Роман, Олег и я). Остров весь искорежен ледоходом: срезанные и наваленные кусты, выпаханные котловины. Под вечер вышли на высокую террасу в сосновый лес за ягодами. Под ногами сыровато, но ягод – пропасть (черника, голубика и брусника).

Обратно к брандвахте возвращались по полою т.к. из-за сильного встречного течения в реке – не выгробишь. Сначала все шло хорошо, но потом пришлось в полной темноте лезть в воду и ногами нащупывать глубокие места, чтобы протолкнуть лодку. Где-то издали шла к нам гроза, громыхал гром и сверкали молнии, в ослепительном свете которых из темноты вдруг возникали мокрые лица, деревья на берегу, валуны под килем лодки (здесь река размывала моренные отложения). Казалось, полою не будет конца; шагаем молча, по пояс в воде. Наконец показался поворот к с. Тимошино и последняя прямая к брандвахте, но мы опять сели на огромную мель. Пришлось высадить на берег женщин, а самим тащить нашу многострадальную лодку (киль разбит о камни, хлещет вода). Нашли глубокую ложбину и помчались по полою, но через 2 км дорогу нам преградила плотина из фашин (плетенка из прутьев и камней). Плотина была старая, и мы обнаружили в ней промоины, через которые пытаемся протолкнуть лодку. Сильное течение рвет лодку, шум воды и грома, сверканье молний, – в этом было что-то дьявольское! Ребята на веслах выкладываются на всю катушку, я – на руле, как единственный «зрячий» в этой крошечной темноте, от которого зависит попадем мы в проран или нет. С разгона влетели в промоину в плотине и со страшным треском застряли на камнях. Лодка дрожит от напора воды и грозит развалиться; мы с руганью лезем в бурлящую муть и, скользя на камнях, каким-то чудом проталкиваем лодку через плотину, и нас сильным течением выносит в главное русло Сев. Двины.

На брандвахте ждали нашего возвращения, даже не ужинали без нас. Перебивая друг друга, рассказываем о ночных приключениях. Гром бухает где-то далеко, гроза обошла нас стороной. Буксир так и не пришел.

2 сентября. Ночью нас поставили на новое место работы в районе с. Верхн. Тойма (ниже с. Ягрыш 25 км), которая вначале предполагалась как последняя точка, но потом решили спуститься ниже по течению.

Много пьяных, некоторые пытались кидаться камнями, – отпили. У нас тоже весело: слушаем зарубежные джазы по приемнику (наконец починили!). Пью холодное пиво (угостила шкипер Клава) и наблюдаю как моторист Коля режется в шахматы со Славой Григорьевым. Моторист время от времени орет: «Шах, шах!», но мат у него получается лишь натуральный, в различных комбинациях.

Утром проснулся от холода: спина замерзла под одеялом, чего еще никогда не было. Осень начинает вступать в свои права. Натянул поверх одеяла плащ, но уснуть уже не получилось, т.к. раздался как всегда визгливый крик поварихи. Пришлось вставать; пол холодный, по телу ползут мурашки. Небо тяжелое, свинцовое; река неприветливая; солнце светит, но тепла нет.

После завтрака едем опять снимать пески. Кстати, эта работа у нас преобладает, а обещали геоморфологическую практику! В маршруты ходим мало, основное время проводим на гидрометрии и геодезической съемке.

Сегодня пришлось одеться потеплее: тельняшка, рубашка и спортивная куртка. На работу шли через всю Верхн. Тойму, – большой поселок с исключительно деревянными домами, разбросанными по крутому берегу реки, изрезанному глубокими оврагами, через которые переброшены хлипкие мостики. Людей почти не видно, одни собаки. Есть запань, два магазина и аэродром, с которого часто поднимаются «кукурузники». К вечеру поселок оживает, откуда-то появляются люди на катерах, лодках и пешком.

К середине дня погода «разгулялась», выглянуло солнце и начало припекать. Мошки, как ни странно, нет, – прячется в кустах. Вечером опять налетел дождь, и шел долго с перерывами.

Сегодня день рождения у шкипера Клавы. Ей преподнесли от всех шаль, а она угостила брагой. На голодный желудок брага действует быстро. Потом с мотористом и Славой втихоря добавили еще, и набрались к вечеру хорошо!

Лежу в каюте и слушаю музыку. Кажется, я всхрапнул нечаянно и очнулся от шума на крыше и криков. Бегу узнать,

что случилось, но набиваю шишку на лбу, – никак не мог попасть в дверь, т.к. она от меня почему-то отшатывается.

Северное сияние! В этих широтах его можно наблюдать в это время года: по небу бегут зеленые, бардовые нити, которые сходятся в один узел, потом пропадают, а на их месте возникают «бублики с рожками».

9–12 сентября. Холодный осенний день. Солнце едва пробивается сквозь тучи, на реке ветер и волна. Сажу в лодке и дожидаюсь Александра Ивановича и Сашу Костяева, которые делают описание геологического обнажения (Саша собирает материал для диплома). Нас троих отправили в маршрут на весельной лодке 45 км вниз по реке до Ниж. Тоймы, куда потом должны привести брандвахту. Плыдем не спеша, читаем вслух рассказы О, Генри и молим всех святых, чтобы не было дождя!

Дождик все же нас догнал, но мы укрылись плащами и продолжали сплавляться вниз. Совсем стемнело, когда мы подошли к пристани Севтра, где по селектору пытались узнать о брандвахте и буксируют ли ее. Перевезли троих рабочих (очень умоляли) на другой берег реки. Гребли они сами и дали за услугу 5 руб. Проблема с ночевкой разрешилась совсем неожиданным образом, – какой-то незнакомый человек вдруг предложил пойти к нему. Хозяйка оказалась очень радушной женщиной; сходила в столовую и принесла суп и котлеты из трески, которые мы уничтожили с невероятной быстротой, и залили молоком. Хозяин рассказал, что поселок Колокольный Ручей построен сравнительно недавно, народ здесь пришлый, разный и с ножами. Нам отвели отдельную комнату, дали тюфяк с простыней, и мы до утра проспали без просыпу.

Утром, поблагодарив наших благодетелей-хозяев, пошли обедать в местную столовую (суп, блины, компот), очень грязную и забитую рабочими с лесосплава. Стоит сплошной мат и похабные остроуты. Повар – толстая девица неопределенных лет – накладывает котлеты в тарелки прямо руками.

По селектору узнали, что брандвахту начнут буксировать только завтра вечером. Над рекой стоит плотный туман, моросит мелкий дождь. Решили не мокнуть и попросились в дом к бакенищику, где сварили из своих запасов картошки.

Плыдем дальше, моросит мелкий дождик, и набранное тепло у бакенищика, постепенно уходит, начинаем мерзнуть; по рукам

течет вода и капает с носа. Наконец показалась пристань Ниж. Тойма. Вытаскиваем лодку на берег и заносим в зал ожидания свои вещи, где решили переночевать. Пока Александр Иванович и Саша двигали мебель, чтобы создать некий уют, я сходил в местный магазин, где есть почти все, кроме сахара и масла (маргарин). Народ в поселке – сплавщики, почти все пьяные, грязные и ругаются крепко. Некоторые ходят на четвереньках и просят папиросы «Беломорканал».

Купил буханку хлеба, которую мы съели на ночь, запив водой из бачка, и улеглись спать на скамьях, укрывшись плащами. Ночью было очень холодно, согревались собственным дыханием. Встали рано в 6ч по местному времени и пошли в столовую, где на последние 7 рублей пообедали рисовой кашей и выпили по стакану молока.

Наши приключения закончились самым неожиданным образом: начальник пристани, которому, видимо, не очень нравилось наше присутствие в зале ожидания, предложил обратиться к капитану катера «Бодрый» с просьбой отбуксировать нас в Верхн. Тойму, где стояла наша брандвахта. Дошли быстро и весело, со скоростью 10 км/час. На брандвахте нас не ожидали, но встретили с ликованием, даже вином угостили по случаю приезда Н. И. Маккавеева.

Наелись картошки и отсыпались полдня без просыпа. Буксировщик пришел лишь 12 числа, и к вечеру мы уже были на новом месте в пос. Пичуга, на 20 км ниже Нижн. Тоймы.

17 сентября. Место стоянки – Сольцо в 12 км ниже Пичуги (Липовецкие перекаты). Погода совсем испортилась: ветер, дождь, но нам приходится выезжать на геодезические и гидрометрические работы. Волны кидают лодку, как пустую, а нам надо на веслах пройти вверх по течению 6 км. Ладони горят, ноют плечи, с носа капает вода и под задом на банке лужа. Проходивший мимо рейсовый теплоход своей волной чуть нас не утопил, когда перед нами на отмели возникла стена воды высотой с человеческий рост и обрушилась на лодку. С тех пор стали брать с собой спасательный круг (спасательных жилетов у нас не было).

В каютах холодно, хотя шкипер не жалеет дров. Телу тепло, а ноги зябнут.

20–22 сентября. Солнце больше не видели, низкая облачность, давление стремительно падает. В каютах +13°. Моторная лодка сломалась окончательно, – не работает водяной насос. Створы придется делать на веслах вверх по течению на 8 км.

Сняли большой побочень и осередок, а также успели набрать целый рюкзак грибов! Много уток, но на охоту совсем нет времени.

Кормить стали лучше, т.к. купили тушу барашка на 20 кг, что разнообразит наш рацион.

Сегодня все полевые работы отменили. Сильный ветер, дождь и волна. Водяные валы раскачивают брандвахту, шумный плеск волн как на море. Ежась от холода, камералим в кают-компании. Работа наша подходит к концу. Завтра должны буксироваться в Двинский Березник.

24 сентября. Проснулся от грохота и криков. Оказывает-ся нас буксирует колесный теплоход «Ока», колеса шлепают по воде под окном каюты. Во время буксировки Екатерина Ивановна, Роман и Надя отчалили на гребной лодке в маршрут. К 10ч утра пришли в район села Двинский Березник и встали у острова Шилингского в устье Ваги. Место для стоянки хорошее, глубокое, только сплавляемые по Ваге в запань бревна набиваются под брандвахту.

Вторая лодка потекла, пришлось нам со Славой разжигать костер, разогревать смолу и забивать щели паклей и жестью.

Понемногу упаковываем оборудование, смазываем бур и ледбедку. По плану работ мы должны еще снять «стрелку» на слиянии Сев. Двины и Ваги.

26–27 сентября. Екатерина Ивановна решила в последний раз испытать ребят на прочность и отправила снимать пески. Я – дежурный, и на мою долю досталось забивать ящики с экспедиционным оборудованием. Вчера ходили со шкипером Клавой в гости на изыскательскую брандвахту № 115. Весь вечер развлекали двух молодых, одна из которых от смущения все время жевала платок.

По возвращении устроили прощальный ужин с пирогами, и пили за здоровье «новорожденного», т.е. меня. Было весело и немного грустно.

На следующий день доедали вчерашнее, но уже не пили. Рюкзаки набиты «под завязку». В 15ч за нами пришла моторка, и мы четверо (Роман, Олег, Слава и я) под прощальные крики отплы-

ли на теплоход, который должен был доставить нас в Двинский Березник. В моторке стоял в шляпе и тельняшке Александр Иванович Дрябзгов и орал что-то прощальное. Наш рейсовый транзитный теплоход до Архангельска опаздывал на 2 часа, и мы решили пересесть на пригородный пароход «Рылеев». Прибежали на него за 10 минут до отхода и узнали, что здесь нет кают, а пассажиры сидят на диванах, как в московских речных трамвайчиках. Придется провести ночь сидя, т.к. по словам буфетчицы «Рылеев» придет в Архангельск только в 10ч утра.

Народ на пароходе разный: командировочные, сплавики, студенты Архангельского лесотехнического института. Сплавщики, как всегда, пьяные и считают лбами ступени на трапе. Но в общем, весело. Едем домой!

Две последние производственные полевые практики 4 и 5 курсов проходили под руководством проф. О.К. Леонтьева и были связаны с изучением морфологии и динамики побережий Каспийского моря и высокогорного озера Иссык-Куль.

Каспийское море

1969 год

В июне 1969 г. я был зачислен техником в Береговой отряд Комплексной южной геологической экспедиции (КЮГЭ), которой руководил известный геолог-нефтяник, проф. Брод И.О. Наш немногочисленный отряд (начальник – Виктор Сергеевич Мякокин, научный сотрудник Лаборатории морских берегов кафедры геоморфологии географического факультета МГУ) состоял из аспиранта кафедры геоморфологии Льва Георгиевича Никифорова и студентов Гали Соловьевой и меня, а также студентки физического факультета Стеллы и шофера экспедиционной машины ГАЗ-63. Позже к нам присоединился профессиональный водолаз Анатолий Протонин.

Задачей нашей экспедиции было обследовать восточное побережье и подводный склон Каспийского моря в районе Карабогазских кос и о. Огурчинский на предмет поиска древних береговых линий и нефтегазоносных структур. К этой экспеди-

ции готовились заранее и прошли подготовку в клубе ДОСА-АФ, получив удостоверения легкового подводника с правом погружения до 20 м с аквалангом.

Сначала мы долго болтались без дела в г. Баку, ожидая финансирования работ от бухгалтерии КЮГЭ, а потом, заняв денег у знакомого азербайджанца Хосрова, бывшего аспиранта проф. О.К. Леонтьева, переправились на пароходе в г. Красноводск, где располагалась одна из полевых баз экспедиции КЮГЭ. Причем процесс «отъема» денег был обставлен с чисто восточной мудростью: сначала Хосрова с женой пригласили на воскресный пикник на городском пляже Баку, где под многочисленные тосты распивали разведенный спирт, а затем, как бы между делом, попросили помочь с переездом в Красноводск.

Красноводская база пустовала, т.к. все остальные изыскательские партии давно разъехались по своим объектам, и в огромном 2-х этажном доме жил один радист и потихоньку спивался от одиночества. Там же разместился и наш отряд, расстелив матрасы прямо на полу. Питались мы в экспедиционной столовой в долг, поскольку так и не получили необходимой суммы денег от бухгалтерии. Наш начальник «бомбил» руководство КЮГЭ телеграммами, но безрезультатно.

В Красноводске стояла адская жара, по городу мы передвигались только по теневой стороне улиц. Пытались освежиться в Красноводском заливе, но вода в этом мелководном водоеме была как парное молоко. По вечерам вылезали на крышу дома и смотрели кинофильмы, которые «крутили» в расположенном напротив летнем кинотеатре.

Восточный колорит городу придавали толпы туркмен в красочных одеждах, и справляющие нужду на тротуарах старухи, закрывая головы полами халатов. Город строился и заселялся, но очень своеобразно: возле новостроек громоздились кучи из ванн и унитазов, которые выбрасывали за ненадобностью счастливые обладатели ордеров, увеличивая таким образом количество комнат в квартирах, а туалет, как и раньше, организовывали на улице.

Паром через пролив Карабогазгол

*Подводные работы на Карабогазских косах
(В. С. Мякокин и В. Кортаев)*

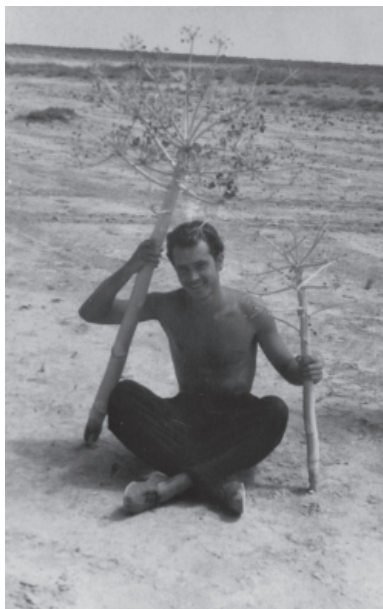
Торжественный момент погружения

Когда мы уже потеряли всякую надежду вырваться из красноводского пекла, появился сияющий Виктор Мякокин, потрясая туго набитой ассигнациями полевой сумкой. Не теряя времени, мы сразу же перебазировались в г. Небит-Даг, – город нефтяников, полный зелени, цветов и воды. Отсюда началось наше путешествие с разными приключениями по фантастическим местам Восточного Закаспия: сначала по великолепному асфальтированному шоссе через урановый рудник Кызыл-Кия, потом по окраине пустыни Кызыл-Кум и заброшенным караванным тропам Шелкового пути на плато Усть-Урт до залива

Кара-Богаз-Гол, где нам предстояло сделать теодолитный профиль через древние оползни под обрывами (чинками) плато. Дальше наш путь лежал к городу-призраку Карабогазгол, который встретил нас пустыми «глазницами» многоэтажных домов, заросшими бурьяном бетонными танцплощадками и выброшенными на берег ржавыми судами. Начальник местной метеостанции, где мы отметили командировки, чтобы получать 125% полевых за безводность, переправил нас через Карабогазский пролив, и отсюда наш отряд двинулся с водолазными работами вдоль восточного берега Каспия по северной карабогазской косе в сторону полуострова Мангышлак. Добравшись до форта Шевченко мы на пристани Баутино (Тюб-Караганская коса) погрузились вместе с машиной на небольшое судно и ушли в Астрахань на центральную базу Комплексной южной геологической экспедиции.

Фантастические ландшафты гряды Ирсары-Баба (Галя Соловьева)

*Типичное зонтичное растение
полупустынь – ферула, высотой
до 4 м (В. Коротаев)*

*Фосфоритовые конкреции на полуострове Мангышлак
(Галя Соловьева и В. Коротаев)*

Озеро Иссык-Куль

1960 год

Моя преддипломная практика прошла на озере Иссык-Куль, где я в составе Берегового отряда под руководством младшего научного сотрудника Тянь-Шанской высокогорной физико-географической станции Академии наук Киргизской ССР Льва Георгиевича Бондарева занимался изучением геоморфологии побережья и динамики береговой зоны.

Вообще, Иссык-Кульская котловина и ее горное обрамление представляет для географа уникальную природную лабораторию, где на сравнительно небольшой территории можно изучать многие физико-географические процессы: от морфодинамики береговой зоны и новейшей тектоники побережья до следов древних оледенений и современной динамики ледников.

Здесь мне впервые пришлось самостоятельно вести записи в полевых дневниках, делать зарисовки форм рельефа, геологических обнажений и отбирать образцы пород. Наш небольшой отряд (Л.Г. Бондарев, я и двое рабочих) за несколько летних

Полевой лагерь на мысу Карабулун

месяцев исследовал юго-восточное побережье озера от Покровской бухты до полуострова Сухой Хребет.

*Наш водный транспорт
(В. Кортаев и рабочий Коля Юндин)*

Мои экспедиции

Моя послевузовская судьба должна была определиться государственным распределением: после окончания географического факультета МГУ в 1961 г. по специальности «географ-геоморфолог» я отправился совсем на другую станцию – Черноморскую научно-исследовательскую Института океанологии АН СССР (ЧЭНИС), расположенную в Голубой бухте Черного моря недалеко от г. Геленджика. Это назначение я получил по своему искреннему желанию и доброму совету научного руководителя моего дипломного проекта «Морфология и динамика береговой зоны озера Иссык-Куль» – проф. О. К. Леонтьева и дядюшкиного напутствия – Евгения Александровича Попова, – одного из первых директоров ЧЭНИСа, где я ещё ребенком отдыхал с родителями. Однако, с самого начала всё пошло как-то не так.

По приезде на ЧЭНИС я и еще четверо молодых специалистов (двое – мои однокурсники-океанологи Андрей Полосин и Женя Плахин) были поселены в одну огромную комнату, где мы отчаянно боролись со сколопендрами, ползавшими по стенам комнаты. Сначала мы жили одной веселой компанией: после работы охотились с подводным ружьем на кефаль и каменных окуней; часть улова продавали отдыхающим, а остальное вечерами жарили с зеленым горошком и запивали холодным столовым вином, купленным на вырученные деньги. Потом все получили назначение в разные полевые отряды, и веселая жизнь кончилась, начались трудовые будни.

По предварительной договоренности с проф. В. П. Зенковичем – патриархом береговой динамики – я должен был продолжить начатые им работы по кадастровому описанию черноморских берегов, но непосредственный мой начальник по ЧЭНИСу Е. Н. Егоров решил иначе: в должности старшего лаборанта с окладом 96 руб. в месяц меня определили на НИС «П. П. Шишков», где я помогал морским геологам бурить прибрежные от-
мели с помощью вибропоршневой трубки, что конечно не со-

впадало с моими амбициями и надеждами. Постепенноросло неудовольствие от моего нового положения, – положения молодого специалиста, которому не дали возможность заниматься любимым делом (береговой геоморфологией).

Невольно я сравнивал быт и общий климат на ЧЭНИСе и условия, в которых работали молодые ученые на Тянь-Шанской физико-географической станции. Только сейчас я понимаю, насколько мудро поступал Рашид Джумалиевич Забиров (директор станции), которого за глаза все называли «Дядей» («Дядя, дядя пришел!», – кричали наши станционные дети, когда он приходил в гости к сотрудникам), давая полный «карт-бланш» своим подчиненным в области их научных интересов, постоянно заботясь об обновлении приборной базы станции и по мере возможности улучшая их бытовые условия. На Тянь-Шанской станции была создана удивительная «питательная среда», где как на дрожжах росли будущие кандидаты наук, пополняя «золотой фонд» географической науки в Киргизии.

Моя черноморская эпопея закончилась довольно печально: после полевого сезона в октябре 1961 г. меня командировали в Москву для помощи вьетнамским аспирантам проф. В. П. Зенковича в обработке проб донных наносов, меченных люминофорами. Это была последняя капля моих унижений в работе на подхвате, которая заставила меня приложить некоторые усилия, чтобы получить свободное распределение (не без доброй помощи уважаемых М. В. Карандеевой – зам. декана по учебной работе и декана – проф. А. М. Рябчикова). Получив свободное распределение и уволившись из ЧЭНИСа, я приобрел в наследство период самого «смутного времени» в своей научной карьере. Чего только я не делал, стараясь закрепиться на факультете: фотографировал на фоне черного бархата снежинки для проф. Г. К. Тушинского, которого мы все обожали еще в студенческие годы и хотели быть гляциологами; составлял поисковые геоморфологические карты для проф. С. С. Воскресенского, дешифрируя на аэрофотоснимках древние лога с пьезокварцем и т. п. По результатам этой работы Сергей Сер-

геевич предлагал мне должность нач. отряда, но мои научные интересы были неизменными – береговая геоморфология, где вакансий тогда не было даже в штатах по труду.

Этот смутный период окончился неожиданно: на факультет к своему старому другу (проф. О.К. Леонтьеву) заехал директор Тянь-Шанской станции Р.Д. Забиров, которого я случайно встретил возле ком. 1710 и поведал свою печальную историю с распределением. Рашид Джумалиевич тут же предложил мне должность младшего научного сотрудника, гарантировал оплату всех финансовых затрат, связанных с переездом на станцию, и, главное, полную поддержку исследований береговой зоны высокогорных озер Северного Тянь-Шаня. Мы «ударили по рукам».

Через неделю, отправив багажом и малой скоростью свою научную библиотеку, я качался в тамбуре скорого поезда № 18 Москва – Фрунзе (ныне – Бишкек), жадно впитывая сладковатый запах чего-то цветущего. Уезжал я из столицы с радостным чувством возвращения домой, хотя в этом «доме» я провел всего несколько месяцев на преддипломной практике. Это удивительное чувство «возвращения домой» я испытывал каждый раз, когда приезжал в командировки в Киргизию уже после возвращения на постоянную работу в МГУ. Туда хотелось всегда.

Озеро Иссык-Куль

1962–1968 гг.

Тянь-Шанская высокогорная физико-географическая станция была основана в феврале 1948 г. (одна из первых 10-ти подобных станций в СССР) на базе Северо-Киргизской экспедиции Института географии АН СССР. Многие участники этой экспедиции впоследствии составили костяк научных сотрудников Станции (И.П. Герасимов, М.А. Глазовская, М.И. Иверонова, Е.Н. Лисичек, Е.Я. Ранцман и другие). База Станции находилась в с. Покровка на юго-восточном побережье озера Иссык-Куль, у подножий предгорий северного склона хр. Тер-

скей Ала-Тоо, в 35 км от г. Пржевальск (сейчас – Каракол). Основные исследования проводились в Западном Прииссык-кулье, на сыртах и в бассейне р. Чон-Кызыл-Су, где в глубоком ущелье на высоте 2500 м находилась метеорологическая наблюдательская станция и экспериментальные стоковые площадки.

В 1953 г. Станция была передана в состав Академии наук Киргизской ССР, а в 1955 г. она стала составной частью вновь созданного Отдела географии АН Киргизской ССР. Первым директором Станции стал кандидат географических наук Рашид Джумалиевич Забиров, известный гляциолог – исследователь оледенения Памира.

Главной задачей Станции в тот период была организация и проведение гляциологических исследований по программе Международного Геофизического Года (МГГ), в том числе стационарных наблюдений на леднике Кара-Баткак (бассейн р. Чон-Кызылсу). С 1960 г. Станция приступила к проведению

Жилой дом сотрудников Тянь-Шанской станции

комплексных физико-географических исследований по широкой программе от побережья озера Иссык-Куль до сыртов (высокогорная равнина) и ледников хр. Терской Ала-Тоо. Костяк Станции составляли молодые специалисты – выпускники Московского и Киргизского университетов (Эмма Азыкова, Владимир Благообразов, Лев и Валентина Бондаревы, Анатолий и Людмила Диких, Наталья Кожевникова, Сергей Мягков, Владимир Ткаченко, Михаил Хейфец).

Из бесед с коллегами по факультету я понял, что все, кто бывал на Станции, испытывали потребность вновь вернуться и делали это с неизменной радостью. Чем же был вызван этот непонятный феномен «чувства дома» на Станции? Анализ всей прошлой истории Станции и мои воспоминания показывают, что эта удивительная атмосфера была создана первыми сотрудниками Станции, которые приехали туда после 1957 г. Скорее всего это была неосознанная попытка сохранить традиции и дух географического факультета МГУ, понятное желание не потерять московский шарм в новой среде. Это им удалось сделать, создав небольшую московскую диаспору на Станции, которая старалась поддерживать высоко интеллектуальный и очень демократичный образ жизни. В эту элиту пускали не всех и не сразу: надо было пройти своего рода отбор (сейчас бы сказали – кастинг), который включал довольно своеобразные интеллектуальные и спортивные игры.

Собирались, например, в большой камералке финского домика и по реферативным журналам (РЖ) устраивали конкурс на сообразительность. Произвольно брался номер РЖ, открывалась любая страница, тычком пальца выбирался реферат и ведущий (обычно – Володя Благообразов) задавал вопрос. Что-то вроде: «Численность пассажиропотока в токийском аэропорту за сутки?». Побеждал тот, кто угадывал близкий порядок цифр. Ну, и так далее на разные темы.

Спортивные игры включали шахматы (здесь «царем горы» был все тот же В.А. Благообразов, имевший первый разряд), пинг-понг, бадминтон, городки, прыжки в высоту и длину,

толкание ядра и метание молота. Консультантом по легкоатлетическим видам был Женя Баков, настоящий спортсмен и выпускник Киргизского госуниверситета. Очень много курьезных случаев было с метанием молота: от развороченных сараев на территории «заречного дома», где обитал Р. Д. Забиров и элита Станции, до «полетов» вслед за раскрученным молотом, если метатель не успевал вовремя выпустить его из рук (так произошло с Саней Перешкольниковым, имевшим небольшой рост и вес «мухи»).

По вечерам собирались у кого-либо дома, пили кофе (в то время этим напитком мы все очень увлекались, привозили из столицы сырые зерна, сами жарили и мололи), чай, реже сухое вино (водку не пили!), слушали музыку, песни Высоцкого, сами пели под гитару (обычно аккомпанировал Петя Второв) и т. п. Очень много выписывали газет (обязательно «Литературную газету») и журналов («Иностранную литературу», «Вокруг света», для детей – «Веселые картинки», «Юный натуралист», «Технику молодежи» и т. п.). Скупали новинки в книжных магазинах по всей Иссык-Кульской котловине (братьев Стругацких, Т. Манна, Э. Хемингуэя, М. Булгакова, Р. Кента, Э. Ремарка, М. Цветаевой и т. п.).

Были и другие «развлечения», например, давать интервью заезжим местным журналистам, после которых в газете «Советская Киргизия» появлялись статьи о нашей интересной и нелегкой работе на станции, и в частности, такие строки: «...высоко в горах на метеостанции работает Софья Гелиограф ...» (журналиста совершенно поразили прозрачный шар метеоприбора – гелиографа!) или «...после появления эхолота для промера глубин отпала надобность опускать под воду теодолит ...» (без комментариев) и т. д. Нас часто посылали дежурить вместе с милицией на кордонах в период сбора опийного мака, а так же отрабатывать трудовни на подсобном хозяйстве станции (копать картошку, укладывать тюки за сеноподборщиком и т. п., что-то вроде отработок сотрудниками географического факультета МГУ на овощных базах и совхозах Поречья).

Московская диаспора на Станции много сделала для продвижения географической науки в Киргизии. Ими написаны десятки научных статей, монографии (не менее пяти), они были редакторами многих выпусков Трудов Станции, помогли составить русско-киргизский словарь географических названий Киргизии (!).

Это была хорошо сбалансированная жизнь, где научная работа перемежалась с интеллектуальным отдыхом. Конечно, без поддержки директора Станции Р.Д. Забирова все это вряд ли было бы возможно сделать на таком высоком уровне. Оплату труда директор, конечно, не мог изменить, это не позволяли рамки бюджетных ставок: мнс без степени – 120 р., мнс со степенью – 160 р. Директор поощрял и удерживал нас другим. В-первых, возможностью работы по индивидуальным

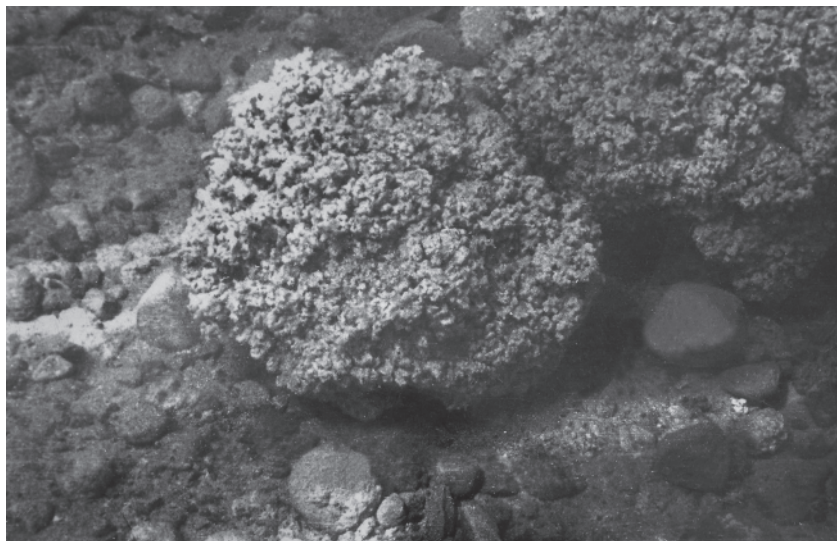

Литифицированные береговые валы

планам и научной тематике, которая в большинстве случаев не пересекалась с работами других сотрудников.

Например, исследования береговой зоны озера Иссык-Куль я проводил совершенно самостоятельно, имея небольшой отряд и береговой стационар на мысе Кара-Булун. На лодке типа «Казанка» с подвесным мотором «Москва» (10 л. с.) и двумя студентами я за несколько лет обследовал каждый метр 600-километровой береговой линии и подводного склона озера. Стационарные работы на мысе Кара-Булун включали наблюдения за волновым (по волномерной вехе и волномеру-перспектометру Иванова) и уровенным (самописец «Валдай») режимами озера, а так же за динамикой пляжевой зоны (методом «штырей») и механизмом формирования иссык-кульских береговых баров (методом повторной теодолитной съемки).

Проводились также полустационарные наблюдения за динамикой речных дельт при помощи повторной фототеодолитной съемки (устья рек Джергалан, Ирдык, Барскоон, Тосор, Тон,

Известковые конкреции на дне озера

Актерек), причем для устья реки Ирдык удалось восстановить старые базисы, заложенные ещё Ю. Ф. Книжниковым в 1956 г. В дальнейшем работы по динамике иссык-кульских дельт были продолжены моим аспирантом (Эрмеком Н. Султаналиевым), который в 1995 г. защитил кандидатскую диссертацию и долгое время исполнял обязанности зам. декана по учебной работе географического факультета Киргизского государственного университета.

Во-вторых, директор станции давал нам возможность зимовать в Москве, где мы все время проводили на географическом факультете, показывая результаты своих работ профессорам кафедр геоморфологии, палеогеографии и биогеографии. Как я уже говорил, мы называли директора «Дядей», и это был очень добрый дядя, который контролировал нашу научную

Известковые корки на валунах (Чолпон-Ата)

деятельность, абсолютно не мешая работать и закрывая глаза на наши вечерние посиделки и не всегда невинные развлечения.

Кстати, о прозвищах. Меня, например, называли «Влас» – сокращенное от имени Владислав. Получил его ещё будучи студентом в первой моей экспедиции на Северную Двину, где тогда работали Н. И. Маккавеев, Е. И. Сахарова, А. И. Дрябзгов. Вот он-то и сказал как-то: «У тебя очень длинное имя, отныне будешь Власом». Некоторые мои друзья и знакомые до сих пор так и называют меня (например, Валентина Бондарева, Татьяна Воскресенская).

Володю Благообразова звали «Гроб». Этим прозвищем его наделили за удивительную способность «гробить» все хорошие начинания, за одну черту его сложного характера – быть всегда первым и непогрешимым. Он свято верил в то, что он – самый-самый, это очень мешало его личной жизни и научной карьере.

За Мишей Хейфецем закрепилась прозвище «Мень», которая отражала количественный показатель (одинмень, мегамень) так называемой *хейфоединицы* – единицы суетливости. На Станцию часто приезжал муж Эммы Азыковой доктор биологических наук Марат Токомбаев, который всегда просил объяснить ему, что же это такое «хейфоединица». Для этого мы однажды устроили небольшую провокацию из бывшей школьной жизни: вывинтили лампочку в камералке и вставили в патрон мокрую бумажку. Зашел Миша Хейфец, посидел с нами. Бумажка высохла, свет погас. Мы сидим и сетуем, что теперь придется свернуть работу. Миша не выдерживает, проверяет лампочку – не перегорела, долго щелкает выключателем. Приносит табурет, лезет в электрощиток. Потом приносит «когти» (где взял?) и лезет на столб. В итоге света лишилась вся Станция и несколько частных домов. Миша Хейфец все делал только из самых лучших побуждений – помочь людям.

Снова о директоре. Рашид Джумалиевич Забиров был очень увлеченным человеком. Например, он фанатично был влюблен в рыбалку. Помню, что после туристической поездки на Кубу он вывез способ плетения круговой сети и ловил ею речную

форель в водотоках Конуруленской межгорной котловины. Су-даков и сазанов он вылавливал в затоках Тюпского залива, где специально прикармливал рыбу (чаще всего в Николаевском затоне). Когда здоровье не позволило ему продолжать полевые гляциологические исследования, он весь отдался делу сохранения иссык-кульских пляжей в период резкого снижения уровня озера Иссык-Куль. В то же время он очень активно боролся с попытками переброски стока рек Сары-Джаса и Каркары в Иссык-Куль. Так местные чиновники от науки пытались остановить падение уровня озера, забывая о том, что водный баланс замкнутого водоема в аридной зоне является очень чуткой и тонкой системой. «Это вам не кастрюля, откуда можно отчерпать излишек воды», – говорил Р.Д. Забиров. Дополнительное вливание могло привести к противоположному эффекту – подъему уровня озера и разрушению всей курортной инфраструктуры. Этим он очень досаждал водохозяйственным чиновни-

*Отмершие абразионные обрывы высокой озерной террасы
(южный берег)*

кам, которые впоследствии нашли способ отплатить ему, сняв с должности директора Станции и вкатив выговор по партийной линии за якобы нарушение финансовой дисциплины. Его «провинность» заключалась в том, что желая подкормить сотрудников, он обменивал у киргизов старых выбракованных лошадей на коров и продавал мясо (через бухгалтерию!) всем работникам Станции. Оказывается этим он «подорвал основы животноводства Киргизии».

После смены директора (им стал Бектур Орозгожоев по прозвищу «Коммунист», а впоследствии – Анатолий Диких) и отъезда большей части московской диаспоры на Большую землю станция разделилась на несколько конфликтующих группировок, утратила свои позиции как самостоятельное научное учреждение и постепенно превратилась в полевую базу Института геологии АН Киргизской ССР, куда были переданы научные единицы бывшего Отдела Географии. Развал на-

*Озерная абразионная терраса, выработанная на склоне
г. Малый Оргочер*

учной и хозяйственной инфраструктуры станции довершила пресловутая «перестройка» и выход Киргизии из состава союзных республик СССР. Остались очень хорошие воспоминания о прошлом и горькие сожаления об утрате для научного географического сообщества России таких уникальных природных объектов как Иссык-Кульская котловина, озеро Иссык-Куль, сырты и ледники Северного Тянь-Шаня.

В 1967 г. я подвел итог своих научных исследований и издал книгу «Береговая зона озера Иссык-Куль (Кадастр берегов. Очерки по физической географии)», а затем защитил кандидатскую диссертацию на Ученом совете Географического факультета МГУ на тему «Морфология и динамика береговой зоны озера Иссык-Куль».

Осенью 1968 г. я уволился с Тянь-Шанской станции и уехал в Москву, где начались трудные поиски работы на факультете. Проф. Леонтьев обещал должность нач. партии, но после заключения хозяйственного договора по изучению морфологии и динамики берегов Азовского моря. Промаявшись без работы до декабря (договор по Азову был заключен только в 1969 г.), я принял приглашение проф. Н.И. Маккавеева возглавить вновь создаваемую Устьевую партию Комплексной эрозионно-русловой экспедиции (КЭРЭ) по изучению устьев крупных рек арктического побережья Сибири.

Это был почти нетронутый пласт научной целины, правда труднодоступный и сложный для организации полевых исследований. В устьевой партии Русловой экспедиции, где я вместе с проф. В.Н. Михайловым был научным руководителем, собрался дружный и работоспособный коллектив из научных сотрудников, инженеров и аспирантов (В.А. Милошевич, Д.Б. Бабич, А.Л. Богомоллов, Г.М. Заец, Р.В. Лодина, А.Ю. Сидорчук, О.И. Самсонов и др.). За эти годы (1969–1999) я прошел долгий путь от Салехарда до Певека, но этот край почему-то так и не стал для меня вторым (или третьим) домом.

Первой из длинной серии северных экспедиций стала поездка в Тазовскую губу. В 1969 г. Географический факультет

МГУ заключил договор с Иртышским бассейновым управлением пути (Омск) на исследование гидрологического и руслового режимов устьев рек Таза и Пура и южной части Тазовской губы. Состав Устьевой партии был сформирован из кадровых сотрудников Комплексной эрозионно-русловой экспедиции, работавших ранее в других партиях (Обской, Амударьинской и др.). Оборудование и снаряжение также было собрано из других партий.

Тазовская губа

1969 год

10 июня – 5 июля. Прилетали в Салехард отдельными группами и с разными целями. Дальше наш путь лежал в поселки Тарко-Сале (на р. Пур) и Тазовское (на р. Таз).

Салехард (до 1933 г. – Обдорск) – административный центр Ямало-Ненецкого округа расположен на протоке Полуй, при его впадении в Обь, на месте Обдорской крепости, построенной казаками в 1596 г. Салехард – единственный в мире город, который стоит непосредственно на Полярном круге. В 60-е годы он представлял собой довольно жалкое зрелище из нескольких рядов одноэтажных деревянных домов барачного типа вдоль одной главной улицы с деревянными тротуарами. В настоящее время Салехард благодаря капитальным вложениям Газпрома превратился в современный и красивый город.

10 июня. Прибыли Олег Иванович Самсонов и супруги Пантелеевы для разборки и составления описи экспедиционного имущества, пришедшего контейнером из Новосибирска и находившегося на складе Салехардского техучастка на затопленных островах р. Полуй.

18 июня. Я прилетел в Салехард с инженером Виктором Старичковым, и сразу занялись проблемой транспортировки груза через протоку Полуй из Лабытнангов в Салехард. Груз этот прибыл еще весной, но не был получен из-за половодья, затопившего контейнерную площадку.

Авиалинии на Тарко-Сале, где стоял лихтер «Гидрограф» радиогодезической партии № 15 Иртышского БУПа (начальник

– Леонид Николаевич Тимкин), и в Тазовское открыли только 23 июня.

26 июня. Отправили в Тарко-Сале спецборт с оборудованием, которое привезли из Москвы (1750 кг); сопровождающие Олег Самсонов и Виктор Старичков.

2–3 июля. Наконец удалось получить экспедиционное имущество в Лабитнангах, переправить его на теплоходе «Прилив» в Салехард и подготовить к отправке следующим спецрейсом в Тарко-Сале в сопровождении Володи Старичкова (брат Виктора) и студента-гидролога М. Пахомова (2000 кг).

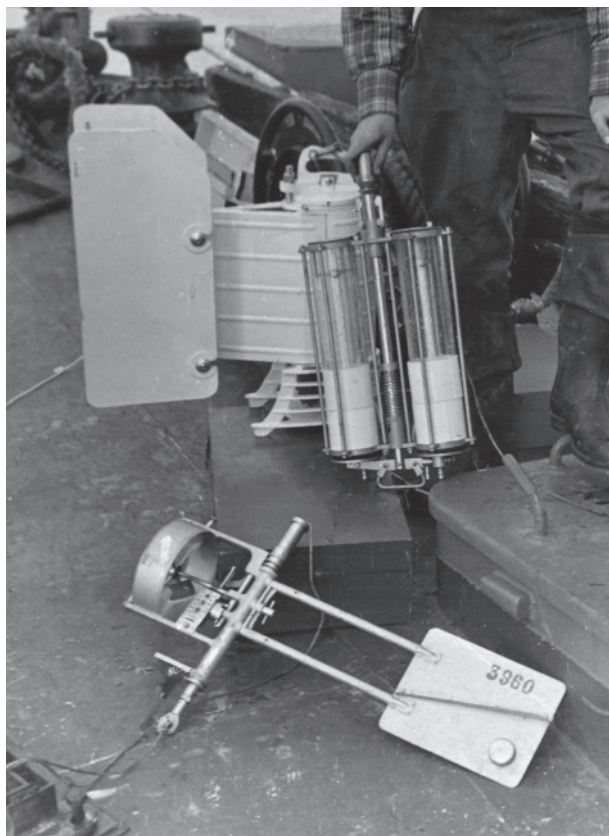
Все прибывшие в Тарко-Сале сотрудники Устьевой партии поступали в распоряжение РГП-15 и занимались налаживанием гидрологического оборудования, лодочных моторов и промерного катера «Чебак».

Оставшееся в Салехарде группа сотрудников Устьевой партии (Сидорчук А. Ю, Шамин Е.М., Котов В.С., Ким С.Н. и я) занимается копированием полевых материалов изыскательских партий Салехардского техучастка, а также переговорами с начальником Иваном Михайловичем Ковригиным о предоставлении в распоряжение Устьевой партии в пос. Тазовском помещения и судна для размещения сотрудников и выделения плавсредств.

Катер «Чебак»

8–11 июля. Вылетели на гидросамолете АН-2 с грузом 300 кг в поселок Тазовский (до 1949 г. – Хальмер-Седз, основанный в 1883 г. как промысловая фактория) – центр Тазовского района. Поселок расположен на высоком левом берегу р. Таз в 8 км от места впадения реки в Тазовскую губу. В 60 и 70-е годы представлял собой поселение из нескольких десятков деревянных одноэтажных домов, расположенных вдоль одной улицы, превращенной гусеничным транспортом в сплошное грязное месиво. Впоследствии, после открытия газового месторождения,

Буквопечатающие вертушки (БПВ), батометр и морские вертушки (ВМ-М)

поселок преобразился: исчезли деревянные тротуары, появились двухэтажные красиво оформленные дома.

Со мной прилетели Шамин Е.М., Сидорчук А. Ю, Котов В. С., Ким С.Н. и супруги Пантелеевы.

Нас встретил прораб 22-го путевого участка Александр Николаевич Макеев. От него узнал, что ни помещения, ни судна для размещения сотрудников Устьевой партии у него нет. Временно поместил на свои два судна («Галс» и «Громкий»).

Начались долгие поиски судна в аренду на причалах Тазовского и поселка нефтяников Газ-Сале. Наконец нашли теплоход «Спутник» (без двигателя), который можно арендовать на 1 месяц.

Переговорил по радиотелефону с И.М. Ковригиным о возможности перегона из Салехарда путейского судна Т-101 и получения шлюпки с мотором для работы в Тазовской губе, а также понтона для монтажа буровой установки.

На катере «Буревестник» (теплоход проекта 306-У – «Ярославец») вместе с А.Н. Макеевым вышли в Тазовскую губу для встречи с начальником радиогеодезической партии Иртышского бассейнового управления пути (ИртБУП), лихтер которой стоит на якоре в Тазовской губе, в районе устья р. Пур. Брандвахту буксирует приданный этой партии катер «Баклан» («Ярославец»).

11 июля. Отбуксировали теплоход «Спутник» со всем экспедиционным имуществом для отстоя в устье р. Пур и размещения сотрудников партии.

12 июля. Базовый лагерь в протоке Безымянной (Ланге-Ям) р. Пур.

Подготовительный период затянулся на целый месяц. Продолжаем наладку гидрометрических приборов (вертушки, самописцы, лебедки), которые пришли с Оби не в лучшем состоянии. То же самое происходит в радиогеодезической партии, где возникла проблема с двигателями для задающих радиостанций радиолога, при помощи которого должны определять координаты положения судна при промерах.

В губе штормит до 6 баллов, сорвало шлюпку. Сильный ветер повалил навигационные знаки в устье Таза и протоки Безымянной (Ланге-Ям) р. Пур.

На «Баклане» сходил в Тазовский, где узнал, что деньги с факкультета перевели не на почту, а в местный банк, да еще пере-

путав мое имя и фамилию. Отправил ругательную телеграмму в бухгалтерию.

А.Н. Макеев сумел найти в Тазовском 2-местную квартиру для организации лаборатории по обработке образцов донного грунта и фильтров на мутность. Пока там живет чета Пантелеевых.

Постепенно полевая работа налаживается. В устье Пура в мое отсутствие ребята поставили сваю и ограждение для са-мописца уровня «Валдай». Студенты Алексей Сидорчук и Света Ким работают с топографическими картами и аэрофотоснимками, юстируют геодезические приборы.

18 июля. День пасмурный, дождь, но в губе штиль. Я, Олег Самсонов и Алексей Сидорчук пошли вместе с ребятами из РГП-15 на шлюпке делать эхолотные промеры на устьевом баре Пура. Сделали 4 галса и отобрали 50 проб донного грунта. Дождь усилился, и не стало видно навигационные знаки, по которым мы засекали положение галсов секстанами.

Лихтер «Гидрограф», наш «Спутник» и промерный катер «Чебак» буксируют в устье протоки Безымянной р. Пур для обслуживания работы землесоса И-603 на устьевом баре.

На берегу установили антенны отражающих станций и высадили инженеров РГП-15.

Буксировка закончилась печально: лихтер с осадкой 1,4 м сел на мель в несудоходной протоке Бол. Пур. К 20ч вечера удалось сорвать лихтер с песчаной банки после работы винтами «Баклана».

В заброшенный поселок Пяси-Надо ушли А. Сидорчук, В. Старичков, Е. Шамин и В. Котов за пиломатериалом и установки там водомерного поста. Связь с ребятами поддерживается при помощи радиостанций «Недра».

Из Тазовского сообщили, что прилетела мл. научный сотрудник Раиса Васильевна Лодина, специалист по обработке грунтовых проб, и инженер А.М. Шутов, выпускник кафедры гидрологии суши.

В 20-х числах июля снова началась полоса невезений: в РГП-15 никак не наладят устойчивую работу радиолога, опять сломался двигатель на «Баклане», мои ребята так и не смогли наладить двигатель на катере «Чебак».

Месяц работ показал, кто на что способен: очень полезную работу делают братья Старичковы, с утра до вечера возясь с моторами; Сидорчук и Ким – тоже безотказны в работе.

Вечером обсуждал с начальником РГП план работ и способы засечек положения шлюпки при промерах в протоках р. Пур. Возразжал против выставления прорези и определения места отвала грунта для землесоса И-603 без предварительных промеров.

Наконец-то сформировали работоспособный и оснащенный необходимыми приборами гидрологический отряд, которым теперь руководит А.М. Шутов. 25 июля отряд в составе 7 человек (Шутов, Шамин, Сидорчук, Ким, Пахомов, Пантелеев и братья Старичковы) ушел на восстановленном катере «Чебак» в протоку Пура на гидрометрические работы. Связь с отрядом – по радиации «Недра».

Открыта навигация в Тазовской губе, – прошли первые две самоходные баржи типа «Немки» и «Беломорки». Ожидаем прихода сухогруза «Прилив» от Салехардского технического участка с нашим грузом.

Построили волномерную вышку в устье Пура для наблюдения за параметрами волн на Безымянном баре, но потом поняли, что это была не очень удачная затея, т.к. волномер-перспектометр Иванова рассчитан на работу с вышки высотой 10 м на расстояние не более 200 м (высота нашей вышки – 5 м, расстояние до буя – 1 км!).

Решили перенести наблюдательный пункт на верхнюю палубу землесоса, который должен в ближайшее время выйти на дно-углубление гребня устьевого бара.

«Прилив» пришел ночью 25 августа и пришвартовался к лихтеру «Гидрограф», вокруг которого собрались все местные суда («Шалгин», «Громкий» и «Буревестник»). Мы получили дюралевую лодку «Казанку» и старую морскую спасательную шлюпку, на которую рассчитываем поставить стационарный мотор УД-2.

В воскресенье, 27 июля празднуем День Военно-морского флота. Соорудили на палубе «Гидрографа» навес из 4-х брезентовых тентов и выставили столы. Начали с праздничного салюта из ракетниц и фальшфейеров и тостов. Потом налетел ветер с дождем, и пришлось ретироваться в трюмные кубрики, где продолжилось шумное веселье, переросшее в обычную пьянку.

К концу июля в Устьевой партии сложилась следующая обстановка: во-первых, Салехардский техучасток так и не обещал нас обещанными плавсредствами (присланный двигатель

для шлюпки надо собирать заново, промерный катер «Чебак» тоже все время ремонтируем); во-вторых, катер очень неустойчив и заваливается на волне; в-третьих, нет обещанного понтона для бурения с воды. Отсутствие надежных плавсредств парализует работу гидрологического и промерного отрядов.

В радиогеодезической партии тоже проблемы: вышел из строя двигатель на «Баклане» (обещают прислать новый из Салехарда через три дня), на котором планировали вести промеры и отбор проб грунта в Тазовской губе.

В партиях разброд и уныние, люди хотят работать, а не на чем.

1 августа. Начало августа провел в Тазовском, пытаюсь получить деньги в банке (безуспешно). Помогал Раисе Лодиной в обработке проб грунта и составлении классификации грунтов, т.к. ранее применяемые классификации в русловых партиях, не вполне соответствуют литодинамическим процессам на устьевых взморьях и в дельтовых рукавах.

В мое отсутствие ребята пытались наладить работу самописца «Валдай» (рвет бумагу) и вдохнуть жизнь в двигатель на промерном катере. Были разбиты створы и закреплены точки для планового обоснования грунтовой съемки в протоке Безымянной.

Олег Самсонов проводит волномерные наблюдения на устьевом баре протоки Безымянной с борта землесоса И-603.

Штормит, пасмурно.

К моему возвращению на лихтер (без денег) двигатель на «Баклане» так и не удалось запустить (прислали старый без запчастей), как и на катере «Чебак».

Приняли решение ставить на нашей шлюпке подвесной мотор на выносном транце. Другого выхода нет, т.к. вышел из строя мотор на шлюпке РГП.

Промеры в губе будем вести при помощи секстанов по береговым навигационным ориентирам. Отрабатывали методику отбора проб с теплохода «Баклан» донным щупом на деревянном шесте длиной 6 м во время движения судна. Пробы отбираются неплохие, но необходима страховка берущего пробы и самого щупа.

5–6 августа. Несмотря на пасмурную погоду и кратковременный дождь получились довольно удачные дни, – начали эхо-

лотирование южной части Тазовской губы в районе навигационного знака «Нярсомясале», с отбором проб грунта с носа судна (я и А. Сидорчук). Дно относительно ровное, глубины – 2–3 м. Пески берутся плохо, илы – хорошо. Из-за прибрежной отмели к берегу нельзя подойти ближе 500 м. Сделали 8 эхолотных галсов по 15 км. Потом заштормило, так что навстречу волне брать пробы грунта с носа судна было уже нельзя – заливало водой и вырывало щуп из рук.

Удивительно, но местные ненцы и в такую погоду умудряются рыбачить в своих утлых лодках, похожих на эскимосский каяк. Рыбак сидит, сложив ноги калачиком, в непромокаемой робе; весло 2-х лопастное, байдарочное, уключин нет. Улов не богатый: щокур и щуки (штук 12).

Опять идем в Тазовский, поскольку в губе так заштормило, что пришлось прервать эхолотирование и отбор проб грунта. К тому же у «Баклана» обнаружилась сильная течь в корпусе. Не теряя времени, обрабатываем эхолотные ленты и наносим точки инструментальных наблюдений на планшет.

10 августа. Вернулся из Тазовского с деньгами. Трещину в днище «Баклана» заварили.

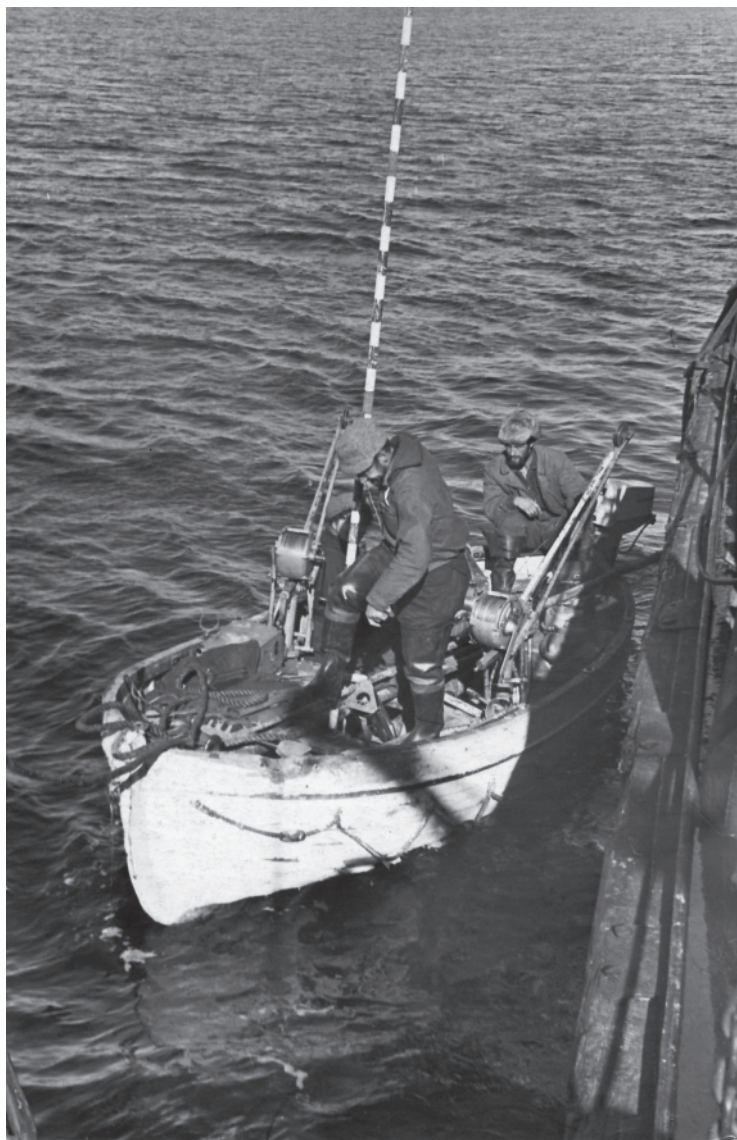
А. Шутов выполнял грунтовые работы в дельтовых протоках. Гидрологию отменили из-за сильного нагонного ветра. Виктор Старичков сварил на землесосе транец для нашей шлюпки. Завтра будем испытывать на ней новый лодочный мотор «Москва».

Катер «Чебак» снова на ходу, и А. Шутов с ребятами идет на гидрометрию (измерять расходы).

Вместе с А. Сидорчуком поставили буквопечатающую вертушку в Тазовской губе, прикрепив ее к навигационному бую. Кроме того, сделали вместе с РГП 8 эхолотных галсов в районе навигационных знаков Анти-Нярсо и Нярсоме-Сале и отобрали 100 проб донного грунта.

11 августа. Полный штиль. Я, Алексей Сидорчук и Света Ким вместе с ребятами из РГП-15 на «Баклане» доделывали промеры и отбирали пробы в районе устьевого бара Безымянный и пос. Находка. На глубинах более 4 м используем дночерпатель во время стоянок судна.

Гидрологов опять постигла неудача: катер «Чебак» на якоре не устанавливается в створе, а вертится в разные стороны на сильном течении. Пришлось переставить лебедки на шлюпку.

Шлюпка океанологов

Вечером прибыл на «Буревестнике» линейный механик из Салехардского технического участка, который подтвердил предположение наших механиков, что аккумуляторы на «Чебаке» не подзаряжаются из-за нештатного автомобильного генератора (нужен генератор для двигателя 4ЧА). Составили телеграмму в Салехард, где на складе, по слухам, есть новый нужный нам генератор.

12 августа. Плохой день: во-первых, пасмурно, ветер и дождь, во-вторых, «загудели» Виктор Старичков и А. Шутов. Вчера после возвращения из маршрута по выемке лент самописцев выпили, а сегодня находятся в никаком состоянии. Виктор еле ворочает языком и просит извинения. Беда в том, что вчера договорились с линейным механиком осмотреть наш катер, где постоянно барахлит двигатель. Заключение механика: 14 пунктов неполадок, в числе которых просушить генератор и заново залить аккумуляторы.

После обеда опробовали шлюпку с подвесным мотором. На полном ходу мотор заливает. Пришлось приподнять транец. В небольшую волну 1–2 балла шлюпка будет работать нормально.

13–14 августа. Погода отличная: тихо, дождя нет. Гидрологи (Шутов, Пахомов, Пантелеев и моторист Старичков) займутся измерением расходов в дельтовых протоках Пура. В губе Коротаев, Сидорчук, Шамин, Ким и механик Старичков должны сменить ленты на самописцах БПВ.

Из Салехарда пришла радиограмма с просьбой выяснить положение кровли мерзлоты на Безымянном баре. Понтонов для буровой установки пока нет.

В Тазовский губе продолжают промеры и отбор проб грунта. Частыми галсами промерили Пуровский бар.

Гидрологический отряд сегодня не смог измерить расходы – нет стока. Завтра хотят попробовать морскую вертушку.

В губе последнее время стоит высокий уровень (выше ординара). Причина – штормовой подпор со стороны Обской губы остановил сток воды из Тазовской губы. Устья рек Таза и Пура тоже оказались в зоне подпора, что привело к остановке течения в дельтовых рукавах.

Вечером А. Шутов и братья Старичковы опять напились и пришли ко мне выяснять отношения. Шутов в пьяных слезах сетовал на то, что он, выпускник МГУ, не может понять,

почему «не течет река», почему ничего не получается. Винил во всех бедах меня и Романа Чалова, что нет хорошего обводования, что нет плавсредств и т.п. Пришлось объяснять, что в приливных устьях и в реках, подверженных сильному воздействию сгонно-нагонным явлениям, возможен подпор речных вод, их остановка или даже обратные течения. Удивительно, почему об этом забыл выпускник кафедры гидрологии суши, где проф. В.Н. Михайлов читает курс устьевой гидрологии!

15 августа. Продолжали вместе с РГП эхолотировать южную часть Тазовской губы, используя редкие штилевые дни.

Гидрологи, наконец, удачно измерили расходы воды в устье Пура.

23 августа. Занимались поисками оборвавшейся с навигационного буя во время шторма вертушки БПВ. Два дня тралили дно самодельным тралом (кусок железной трубы на стальном тросе), но нашли-таки эти несчастные 750 рублей!

Погода стоит на редкость хорошая: тихо, солнечно и сравнительно тепло. Гидрологи уходят на целый день измерять расходы (река течет!). Алексей Сидорчук и Света Ким снимают мензулой участки береговых размывов в протоке Безымянной, для определения скорости их разрушения.

Ребята из РГП делают контрольное эхолотирование прорези на Безымянном баре, чтобы определить объем выполненных работ землесосом.

Братья Старичковы монтируют буровую установку на понтоне, который прислали из Салехарда. Скоро приступим к определению положения кровли мерзлых пород на отмелях в Тазовской губе и мощности сезонного протаивания грунтов.

Первый сезон полевой работы Устьевой партии был очень тяжелым и больше походил на бесконечный капитальный ремонт и налаживание приборов и двигателей. Однако по материалам полевых работ подготовили 50-страничный отчет с графиками, рисунками и практическими рекомендациями. Результаты наших исследований доложили на заседании научно-технического совета Иртышского БУПа и получили «добро» на дальнейшее финансирование работ.

Буксировка понтона с буровой установкой

1970 год

13 июля. Продолжаем работы в устье р. Пур и в южной части Тазовской губы. Из сотрудников Лаборатории эрозии почв и русловых процессов и студентов географического факультета МГУ сформированы две самостоятельные группы: Тазовская, которой руководит Р. С. Чалов, Пуровская, базирующаяся на лихтере РГП-15 (морской отряд) и Ивай-Салинская (гидрологический отряд) в заброшенном поселке, в устье р. Пур.

Пуровская группа осваивает новый метод определения направления перемещения донных речных наносов с помощью так называемых «меченых песков». Олег Самсонов и Алексей Сидорчук производят выброс окрашенных люминогеном песков в траверзе знака Безьямный на глубине 5 м, а затем отбирают пробы грунта и просматривают их под ультрафиолетовой лампой.

В губе устанавливаем на треногах самописцы течения БПВ-2р (речной облегченный вариант).

Штормит с юга. Радиогеодезическая партия Л. Тимкина высаживает на остров Хэйбиде-Мо радистов для обеспечения промеров в губе.

15 июля. Утром уходим в пос. Тазовский за шлюпкой, буровой установкой на понтоне и разными мелочами (спасательные поя-

са, якоря, люмоген). Поздно ночью (полярный день!) заправились горючим и пошли караваном в губу. Было тихо и безоблачно. Вахтенный уступил койку, и я поспал немного. В устье Безымянной протоки пришли в 6ч утра.

16 июля. День полностью ушел на подготовку буровой установки (откачивали воду из понтонов, установили мотор и выточили ручку газа на двигатель мотобура). Наши ребята укомплектовали шлюпку, установили в шкафу одной из кают фильтровальный прибор и испытали новый струемер. Я непонятно как, но наладил эхолот Жени Шамина – пишет рельеф дна на ленту. Второй эхолот пока починить не удастся.

17 июля. С утра аврал на палубе лихтера: уборка пустой тары из-под приборов, отмывание грязи и т.п. Отрегулировал мотор на буровой и зашплинтовал бронзовые вкладыши. Шлюпку ребята вытащили на палубу лихтера для шпаклевки и устранения течи.

А. Сидорчук и В. Торбин с мотобуром МП-10

Комары кусаются как собаки. Пробовал загорать, но не выдержал и 5 минут.

Вместе с Алексеем Сидорчуком просматривали аэроснимки южной части Тазовской губы и пришли к выводу, что выделенные ранее подводные валы на самом деле являются «языками» муты, выносимой водотоками речной системы Мессо, которые протягиваются далеко на запад вдоль правого берега губы.

Вечером – баня. Наладили электрическое освещение, теперь можно читать и работать по вечерам.

Принято штормовое предупреждение о сильном ветре от северо-запада.

19–20 июля. Штормит от северо-запада. Ветер 15–17 м/с, порывами до 20 м/с. Камеральный день. Пилка дров.

Ветер нагнал воду и поднял уровень на 50 см. Сразу после ослабления шторма начался сгонный ветер, развернувший лихтер лагом к волне, которая плещет в иллюминаторы каюты.

21 июля. До обеда геодезисты выставляли по берегам губы контрольные вехи для радиолога, – автоматизированной системы вычисления координат промерных галсов. Морская группа отлаживала приборы для измерения течений.

А. Сидорчук и В. Торбин отправились в маршрут на шлюпке по дельте Пура для закладки реперов на размываемых участках дельтовых островов.

После обеда вместе со студентом-океанологом Юрием Гназовским отправились на катере «Баклан» устанавливать самотисцы БПВ на треноги, хотя гидрографическая база Диксона дала штормовое предупреждение (ветер до 20 м/с).

Прогноз, к счастью, не оправдался (ветер до 5 м/с и волна 1 балл). Техника установки приборов была уже отработана в прошлом голу: корабль ставили на якорь на глубине 2 м за кромкой судового хода, с борта забивали в дно деревянные вехи, верхние концы которых крепили прочным фалом в пучок, а потом на цепи подвешивали приборы с противовесом, как чайник над костром. Два прибора поставили удачно, а третью треногу раздавил «Баклан», который навалило порывом ветра. Потратили еще целый час на восстановление фермы и установку прибора.

23–25 июля. Отличный солнечный день. Штиль и дымка. Навигационные знаки видно плохо, но мы пошли на устьевой бар с буровой. Много комаров, приходится мазаться диметилфто-

латом. Отважились искупаться с понтона. Вода холодновата (+18°), но хорошо освежает (температура воздуха +23°).

А. Сидорчук и я строили ограждение на понтоне с буровой, регулировали двигатели, переделали водоприемник на вакуумном батометре. Неожиданно вернулась гидрологическая группа на «Чебаке» – кончилось горючее. Ждали «Баклан», а вместо него буксир привел землесос И-614 для разработки судоходной прорези на устьевом баре. Заправили соляжкой «Чебак» на нем.

Морской отряд продолжал гидрометрические работы на устьевом баре.

26 июля. День Военно-морского флота! Общее купание с борта лихтера. Торжественный стол. Ракеты.

28 июля. Снова повторяется прошлогодняя история со стационарными двигателями СМ, установленными на шлюпках – после нормальной работы через несколько суток начинает «выбивать» свечи из головки цилиндра. Приходится либо расклевывать головки под другие свечи, либо ставить старые свечи на краску.

Океанологи уходят в губу проверять работу БПВ.

РГП-15 первый раз приступает к съемке устьевого бара.

А. Сидорчук и Новосельцев берут пробы грунта шупом Борисова. Я составляю карту мутности на акваторию южной части Тазовской губы по аэрофотоснимкам.

Радостная весть – БПВ работают исправно, но очень тяжело доставать их из-под треног из воды. Отряд Е. Шамина установил самописец уровня в протоке Усть-Пур.

29 июля. К вечеру заштормило на 3–4 балла от северо-запада, однако успели сделать поперечный гидрологический разрез от Среднего Устья через губу до буя №43 (5 станций), а также промерить устьевой бар протоки Безымянной и отобрать донные грунты.

Неудачно сходили на «Баклане» к устьевому бару протоки Бол. Пур: во время работы отказал вибратор эхолота и забрахлил счетчик радиолога. Пустой рейс, прогулка по губе.

Землесос И-614 приступил к разработке прорези через гребень устьевого бара протоки Безымянной (Ланге-Ям). Отвал грунта делает на левое крыло бара. Муть в штиль идет по направлению стоковых течений в губу, а во время шторма пульпа расплывается и отклоняется к прорези.

30 июля. В губе продолжает штормить. Работаем в дельтовых протоках, снимаем перекааты и отбираем пробы грунта. Комаров снесло ветром, но на берегу без накомарника работать нельзя.

Утром не смог побриться, т.к. местные собаки утащили помазок и пластмассовый стаканчик для воды.

Наблюдал, как орудуют чайки – халеи: подлетают к ненецким сетям, садятся на тетиву и, перебирая лапами, добираются до рыбы. Ненцы отпугивают их, стреляя из луков с берега.

31 июля. Штормит, морось, туман. Работаем в дельтовых протоках.

Вместе с начальником РГП-15 Л. Тимкиным ходили на «Ба-клане» в рекогносцировочный рейс и осматривали новый район работ – Юрхаровскую отмель. Опознавали навигационные знаки.

Видимость плохая. Холодно, вода отдает тепло и парит. Под береговыми обрывами лежит снег.

1 августа. Штиль. Пасмурно и прохладно.

Продолжаем гидрологические и грунтовые работы на устьевом баре.

После обеда литер должны отвести в район знака Нярсоме-сале, а потом сделать переход к Юрхаровской отмели.

РГП пыталась запустить радиолог, но безуспешно.

Опробовал буровую установку на левом крыле бара (глубина 3,3 м). Загнал в грунт 6 труб по 1,5 м. Получается, что от поверхности дна до глубины 5 м мерзлоты нет.

6 августа. Вчера вернулись из Тазовского, куда зашли с морским отрядом 3 августа за бензином и продуктами. Все это время сильно штормило. Как только немного поутихло, пошли в губу. Приходилось постоянно следить за буксируемыми шлюпками, которые ныряли в волнах.

Наконец-то заработал радиолог, но промеры мешает делать крутая волна (4 балла).

Получили сообщение, что из Москвы выехал проф. Н.И. Макавеев. Тазовская группа и Р.С. Чалов перебазировются в пос. Ивай-Сале на р. Пур.

7 августа. Штормит от севера 2 балла, но работать можно. РГП ведет эхолотный промер с радиологом, а мы на «Казанке» снимаем ленты с самописцев БПВ. Сильно качает и плещет в лодку.

9 августа. Штормит от севера. Ветер 9–12 м/с. На воде работать нельзя (высота волны до 0,5 м). Камералим.

Провели интересный эксперимент: запустили бутылку с грузом на глубине 1 м. Поверхностного стока нет (подпор), а донный поплавок двигается в губу со скоростью 0,15 м/с.

11 августа. Продолжает штормить 2–3 балла. Комары исчезли.

РГП делает съемку переката в протоке Ланге-Ям вместе с нашими Новосельцевым и Аверьяновым. Морская группа работает на устьевом बारे.

Пришел пароход «Механик Калашников» с проф. Н.И. Маккавеевым и его сыном Петром, которые уехали в пос. Тазовский. Впоследствии Петр Маккавеев стал океанологом, и до сих пор работает в Институте океанологии РАН. Как знать, быть может первое плавание по Обской и Тазовской губе и определило его дальнейший выбор профессии.

14 августа. Вчера из Тазовского приехали проф. Маккавеев с сыном и Р.С. Чалов. Разместил их в своей каюте на лихтере. Сам устроился на «Баклане», который нам выделил начальник РГП для осмотра берегов Тазовской губы от пос. Находка до Юрхарово.

В районе Находки осматривали обрывы, сложенные однообразной горизонтально слоистой песчаной толщей казанцевского возраста. Эти отложения подстилают оскольчатые глины салехардской свиты с галькой и валунами, скрытые конусами осыпей. В верхней части разреза наблюдаются следы просадок и обвалов кровли с дерниной. Под обрывами располагаются мало-мощные песчаные пляжи шириной до 10 м, прикрывающие глинистые бенчи.

Н.И. Маккавеев предложил пробурировать отмель под обрывами до коренных пород и пронаблюдать за циркуляцией ветра под обрывами Находки.

В Юрхарове высадиться на берег не удалось из-за отмелости берега и сильного волнения. Следы размывов здесь и вдоль южного берега до знака Не-Сале менее заметны, склоны клифов задернованы, хотя именно эти берега подвержены воздействию северных штормов. Профессор высказал соображение, что во время половодья лед из восточной части губы сгоняется под эти обрывы и защищает их от размыва. Он же предположил, что устье

р. Паёта блокировано на юго-восток. По его мнению, здесь противоборствуют два фактора – постоянное стоковое течение из губы и преобладающие северные и северо-западные волнения.

По данным БПВ остановка или поворот течения в губе возможен при волнении 4–5 баллов и скорости ветра более 10 м/с.

Профессор также предположил, что севернее Находки вдоль правого берега формируется встречный поток наносов, который усиливает аккумуляцию на Юрхаровской отмели. Однако, по направлению блокирующей косы в устье Нижней Мессояхи, наоборот, здесь должно преобладать перемещение наносов на север. Вдоль же левого берега губы от устья р. Монго-Юрибей наблюдается перемещение вдольбереговых наносов в южном направлении под действием северных волнений.

19 августа. Стоим на рейде пос. Находка в 0,5 км от берега. Волнение до 1 балла. Пасмурно. Холодно.

Ребятам дал день отдыха, т.к. вчера после установок БПВ вернулись в 2 ч ночи, устали и промокли. Мешала волна до 3 баллов. Несколько раз «Баклан» давил наши сооружения. Установке ферм мешал сильно уплотненный песок на глубинах 2,5–2,7 м. Приходилось уходить на глубины более 3 м, где развиты илы.

Поздно вечером мимо нас прошел пароход «Механик Калашников», на котором отплыл профессор Н.И. Маккавеев с сыном в Салехард.

20 августа. Перешли на новую стоянку у западной оконечности Находки, в районе Юрхаровской отмели.

Проделал пеший маршрут вдоль обрывов останца позднелейстоценовых отложений с описанием литологии и геоморфологии побережья.

Сажу на крутом 30-метровом обрыве. Поют птицы, шумит прибой. Вспугнул стаю куропаток, которые немного отлетели и пошли тихонько по своим делам. Не боятся.

23 августа. Южное волнение 2 балла. Скорость ветра 8–10 м/с.

Высаживаем станцию радиолога под навигационным знаком Юрхарово-1 и продолжаем промеры губы. Вечером до темноты помогали ставить антенну высотой 18 м, которая падала раза 4. Страшно ругались, орали, но сделали все как надо, и сразу мир стал добрым, и плевать на дождь. К шлюпкам шли по песчаным осушкам, разделенным полосами воды.

24 августа. Пасмурно, дождь. Штормит от севера 3 балла. «Баклан» ушел в Тазовское за бензином и продуктами. Камералим.

Волной оборвало шлюпку и дюралевую «Казанку». Спустили малую шлюпку и долго догоняли. Волны подбрасывают лодку до половины из воды. Пришлось все плавсредства поднять на борт лихтера.

27 августа. Штормит от северо-запада. Дождь, снег, видимость плохая. «Баклан» ушел в Ивай-Сале.

Приезжал прораб А.Н. Макеев и сообщил, что из-за шторма Р.С. Чалов и его группа не может сесть на «Механик Калашников» и уехать в Салехард.

Буквопечатающие вертушки работают. Часть лент сняли и обрабатываем.

Прогноз плохой – обещают усиление ветра до 20 м/с. «Баклан» на промерах при повороте поймал бортом волну и получил крен 43°. Еле выправился. Лихтер черпает бортами, в пойлах (съемное покрытие палубы в каютах) булькает вода. Через открытый иллюминатор в каюте залило эхолот.

1–3 сентября. Волнение несколько поутихло. «Баклан» ушел в Находку за хлебом и высадить радистов. Мои ребята пытались снять ленты из БПВ, но из-за волны ничего не вышло. Туман. Заряды снега и дождя. Температура воздуха +5°. Холодно.

На воде работать очень трудно, мерзнут руки. От холодного воздуха обледеневают карбюратор подвесного мотора и забиваются льдом жиклеры.

На берегу упала та самая антенна. Радиолог не работает.

Морская группа сделала один разрез у Находки и пошли проверять БПВ у знака Не-Сале.

Ночью опять шторм от востока до 4 баллов

5 сентября. Штиль. Плотный туман, но тепло. Вода «зацвела».

Морская группа ушла на поиски БПВ и вернулась поздно вечером. Не нашли двух БПВ. Придется завтра тралить.

На лихтере торжество: у начальника РГП-15 Л.Н. Тимкина родился сын! Пьем спирт, пускаем ракеты.

6 сентября. Только что вернулись усталые, но довольные. Юра Гнатовский случайно заметил торчащие из воды «ноги» опоры от БПВ. Достать прибор было делом простым.

Завтра будем искать у Находки второго «утопленника».

9 сентября. Приводим в порядок самописцы, обрабатываем ленты и строим графики течений.

Небольшое волнение от юго-востока (2 балла). Резко упал уровень в губе. Под килем лихтера 20 см.

Радиолог работает очень неустойчиво. Приходится постоянно подстраховываться секстанами для определения координат галсов.

Всех охватила рыбная лихорадка: ставят сети, засаливают рыбу в бочках и развешивают гирлянды вяленой. Сегодня попался осетр.

10–13 сентября. Снимаем радистов с берега и пуровскую группу из Ивай-Сале. Океанологи уезжают в Москву.

Редкая для сентября погода – штиль, солнце и тепло. Даже не верится, что может быть так хорошо в этих краях.

Губа сильно обмелела, обнажились отмели и береговые обрывы. «Баклан» не смог подойти к Ивай-Сале. Пришлось все имущество вывозить на дюралевой лодке.

В Тазовском тоже предотъездная лихорадка.

Переходим к Находке за второй радиостанцией и доделываем пустой угол в Юрхаровской бухте.

А. Сидорчук и В. Торбин на шлюпке продолжают замеры скоростей течения.

Вечером полный штиль. Огромная желтая луна и полярное сияние. Тихо и тепло.

Ночью уходим в протоку Безымянную (р. Пур).

Шкипер по пьянке сломал лебедку. Поднимаем якорь вручную.

16 сентября. Переходим на Тазовский бар. Губа опять стала похожа на себя – штормит от севера. Бросили якорь за о. Сухая Коса. Поставили самописцы БПВ на Тазовском баре.

Под вечер с экспедиционным грузом ушли в Тазовский. Наши ребята почти все разъехались, только двое застряли из-за погоды.

20 сентября. Все работы свернули. Сняли установки БПВ, упаковали приборы и на «Громком» снялись с лихтера и отправились в Тазовское. Здесь пару дней лихорадочно собирали и консервировали оборудование, моторы и т.п.

Перед отъездом успел дважды организовать с прорабом А.Н. Макеевым «отвальную». Один раз на судне «Беломорканал» с капитаном и каким-то милиционером. Пили все подряд (пиво, коньяк, вино). Второй раз – дома у Макеева распили бу-

тылку шампанского и погрузились на т/х «Громкий», который отвез нас на рейсовый пароход.

25 сентября. Каюта № 267 на пароходе «Механик Калашников». Стоим под Анти-Паютой, на выходе из Тазовской губы и ждем неизвестно чего. В Обской губе штормит 2–3 балла. При подходе к Новому Порту может хорошо качнуть.

На пароходе кормят плохо. Народу мало. Развлечений никаких, если не считать, что сегодня унесло «дюральку» аборигенов. Плыдем домой!

1971 год

21 мая. Вылетаем ночным рейсом из аэропорта «Быково» до Салехарда. Едва не опоздал к началу регистрации билетов. Пришлось брать такси от железнодорожной станции до аэропорта. Долетели без приключений.

По мере нашего продвижения на север температура воздуха постепенно уменьшалась от +15° в Москве до +5° в Сыктывкаре и –5° в Салехарде.

В Салехарде сухо и прохладно, местами в оврагах сохранился снег и лед на реке.

Вылеты в Тазовское разрешают время от времени, когда замерзает взлетно-посадочная полоса. Перед нами в очереди человек 30 и все рвутся в Тазовское. Составляют списки, дежурят у кассы и т. п.

Гостиница одна на весь город, свободных мест, конечно, нет. Устроились испытанным способом, – на столах в Салехардском техническом участке. Укрывались пальто.

Каждый день с 7ч утра до 17ч вечера торчали в аэропорту у кассы или ходили в службу перевозок. Удалось даже купить билеты на рейс, зарегистрироваться, но погода разрушила все наши надежды: Тазовский закрылся до конца июня!

26 мая. Сдали билеты, и неожиданно устроились в номер-люкс гостиницы «Ямал» с рестораном, ванной (без горячей воды) и телефоном. Одну ночь спали как боги, а на другой день купили за 700 р. спецрейс и улетели на Ли-2 в пос. Уренгой на р. Пур, имея письмо к местному «царьку» – начальнику Уренгойской геологической экспедиции некто Подшибякину.

Через 1,5 часа были на месте, еще полчаса месили грязь

на 3-осном вездеходе до поселка. Звоним Подшибякину, представляемся, просим помочь, но в ответ он, мягко говоря, просит нас идти на все четыре стороны, отказывая даже в жилье.

На свой страх и риск поселяемся в лучшую гостиницу (опять в люкс!) с ванной и горячей водой. Когда это доходит до Подшибякина, нас грозят выгнать на улицу и вообще из поселка. Ищем защиты у местных властей в поселковом совете (у вас, мол, здесь нет советской власти!) и это находит поддержку. Нас оставляют в покое, но деньги тают и надежда улететь тоже.

28 мая. Шансы улететь из Уренгоя в Тазовское небольшие. Почтовый вертолет ходит крайне редко. Геологи (геофизическая партия Иванова) летают с полной загрузкой и могут взять не более 1 человека. Случайные рейсы надо караулить, что мы и делаем. На любой шум моторов выбегаем из гостиницы и несемся к посадочной площадке. До 30 мая на Тазовское ушло 3 вертолета, но геофизики нас не взяли. Начальник паромоходства Волков приземлился далеко от поселка и сразу улетел (пустой!). Вертолет санитарной авиации прилетел в 10 ч вечера, когда его не ждали. Завтра ожидается три рейса МИ-6 в пос. Газ-Сале (рядом с Тазовским) с грузом на подвеске, и здесь нам заранее отказали.

30 мая. С утра дежури́м на телефоне в конторе Уренгойской экспедиции и периодически звоним диспетчеру. Слышим гул мотора, звоним и узнаем, что летит Ми-6 из Газ-Сале. Решаем попытать счастья и бежим с Юрой Гнатовским (студент-океанолог) к посадочной площадке. Представляюсь командиру и объясняю наше трагическое положение. Он минуту раздумывает, а потом говорит: «Ладно».

Несемся обратно в поселок, хватаем рюкзаки и бегом по грязи и лужам к вертолету. Внутри уже полно людей (наши попутчики из Салехарда), влезли и мы. Через несколько минут закрывают двери. Грохот винтов, и Ми-6, подняв многотонный агрегат на подвеске и всех нас, берет курс на север. Идет снег, облачность 200–300 м, но летим. Все время кажется, что нас вот-вот вышвырнут из вертолета. Через 1,5 часа вертолет освобождается от груза на буровой, и затем приземляется в Газ-Сале, в 18 км от Тазовского.

Грязь, болото, снег. Мы – в ботиночках. Командир советует бежать к вертолетной площадке Ми-4, который должен лететь

в Тибей-Сале. Бежим. Ми-4 со свистом приземляется, чуть не сдувая нас в грязь, но не берет на борт, т.к. летит в другую сторону от Тазовского.

Идет дождь. Заносим вещи в сарай, где местные рабочие устроили туалет. Ждем. Вертолет возвращается через полчаса, и мы наконец-то летим в Тазовское. 10 минут и мы дома!

1 июня. Итак, маршрут Москва-Горький-Сыктывкар-Салехард-Уренгой-Газ-Сале-Тазовский мы преодолели за 10 дней. Причем, в полете были всего 11 часов 10 минут.

Насколько радость относительна: попасть в богом забытый поселок для нас было после всех мытарств неподдельным счастьем, хотя и здесь нас не ждали теплые и уютные квартиры.

Одновременно с нами в Тазовском появился и прораб этого участка Александр Николаевич Макеев, который два последних года всячески нам помогал в организации работ.

Оказалось, что все наши бывшие пристанища заняты проживавшими его сотрудниками, а в красный уголок он нас пускать не захотел.

Короче, две ночи ребята жили на квартире у местного учителя-художника Игоря, а я и мой зам. по хозяйству Цветков – в кабинете у Макеева. И на том – спасибо!

2 июня. Зима здесь продолжается. Сильный северный ветер, пурга заносит деревянные тротуары и дорожную грязь. Пытаемся работать: ставим крепеж для БПВ и возрождаем после зимовки бензопилу.

Снегом занесло проталины вдоль берега реки (желтые пятна); возле них сидят нахохлившиеся огромные бело-серые чайки-халеи.

Проблемы с питанием, т.к. закрыли столовую в аэропорту; приходится таскаться за несколько километров в поселок, а за трапакать чем бог послал.

Сегодня разбираем экспедиционное имущество, приборы и оборудование, которые мы оставили в прошлом году на хранение у Макеева.

Вчетвером живем в домишке, называемом Самбургской гостиницей. В соседней комнате – тоже четверо шабашников. Без ремонта и здесь не обошлось: прогорели трубы у печки, пришлось гнуть из жести и ставить новые.

Признаков весны нет. Снег все засыпал. Только чайки летают над помойками и орут как вороны.

После работы ходили в тундру охотиться на куропаток. Вершины холмов и бровки обрывов почти без снега, но лубые понижения забиты снегом так, что проваливаешься по пояс. По днищам оврагов под снегом текут ручьи, и перейти их можно только в болотных сапогах. Охота была неудачной, куропатки близко не подпускали. Только намучались, бродя по снегу. Макеев утешает тем, что этот год вообще плохой: птицы мало, зима холодная. Он и трое местных ходили на охоту в протоку Щучью и за два дня добыли только несколько десятков уток и два гуся, что по местным меркам очень мало. Угостил утиной лапшой и жареной уткой. Очень недурно покушали.

8 июня. Последние дни по-весеннему теплые и солнечные. Сходит последний снег. Кромка льда в р. Таз находится где-то в 100 км выше поселка, т.е. по местным признакам ледохода следует ожидать дней через пять.

Дела наши потихоньку движаются: приборы проверены, три подвесных мотора и один стационарный СМ на ходу.

Питание неважное – обедаем в поселке, а завтракаем чаем и бутербродами.

Вдоль поселка по окраинам в реке ездят на моторках или на веслах лихие ребята с гитарами и песнями.

Готовимся к паводку: выкапываем из-под снега шлюпки, вытащили новую дюралевую «Казанку». А.Н. Макеев взрывал лед вокруг «Громкого» и подтаскивал его трактором к берегу.

Завтра делаю доклад сотрудникам Макеева и нашим студентам по случаю близкой навигации.

11 июня. Переселился к Макееву. Сплю на диване у печки под простыней (тепло). Питаемся вместе. Доедаем уток, гусей и старые запасы этого дома.

Морось, пасмурно. Вода прибывает понемногу. Подвижки льда дошли уже до Газ-Сале.

К полевому сезону мы практически готовы: приборы отлажены, 5 моторов и лодки на ходу. Нет только опор для БПВ. Свои суда Макеев выковырял из льда и поставил на время ледохода в затон у рыбозавода.

В субботу решили организовать общий сабантуй по случаю открытия навигации (читай – групповая пьянка). Придется участвовать.

Местные жители вылавливают бревна из реки от разбитых плотов и заготавливают дрова на зиму. Другого способа добыть здесь дров нет.

13 июня. В 7ч утра вместе с Макеевым проголосовал на Тазовском избирательном участке.

Вчерашний праздник под названием «Счастливого плавания» начался только в 1 ч ночи, т.к. утром прибежала повариха с «Буревестника» и сообщила, что судно получило пробоину. Макеев помчался выяснять причину и вернулся только в 12 ч ночи.

Оказалось, что в носовой части появилась течь, и в кубрике стояла вода. Стали искать сварщиков, которые запросили 50 р. или ящик водки. Нашли какого-то алкаша, который вместо сварки сделал новый прорез.

А перед этим еще искали тракториста. По местным правилам милиция разрешает проезд в поселке гусеничному транспорту только по определенному маршруту. Тракторист, конечно, ехал не там, где надо. Потом оставил трактор с включенным двигателем на пригорке, а тот вдруг задом поехал вниз и в щепки разнес сарай (вес-то 11 тонн!). На счастье, люди в это время вышли в другое помещение. Составили акт.

В довершение всего райисполком в свою очередь составил акт о неправильном отстое судов в районе промтоварных складов (запрещено).

На пристани – тоже ЧП. Пьяный выстрелил из ружья по судну и ранил двоих. Забрали в милицию. Вот после такой ситуации мы и начали праздновать начало навигации! Было весело.

Лед стоит, вода прибывает. Пасмурно, идет снег.

Первая подвижка льда началась где-то в середине дня, а наступающий ледоход пошел после 10ч вечера. Мы с Макеевым и замполитом аэропорта взобрались на кучу бревен и наблюдали это природное явление. У каждого в руках по бутерброду с уткой и рюмка со спиртом.

Лед идет спокойно, сплошной массой, с характерным шуршанием и звоном (как будто помешивают коктейль в бокале). Лед толщиной до 1 м состоит из вертикальных игл на всю толщу. Слабое торошение льда у берегов. К утру следующего дня река очистилась почти полностью.

16 июня. Тепло. Солнечно. Река полностью очистилась ото льда. Шлюпка вытяяла изо льда и всплыла полная воды. Откача-

ли и вытащили на слип. Льдом вывернуло ахтерштевень, нужен ремонт.

Попробовали сделать гидрологический разрез на «Казанке», но без лебедки работать на больших скоростях речного течения оказалось очень трудно.

Прилетел первый гидроплан АН-2 из Березово. Сделал два круга над рекой. Из аэропорта пускали ракеты – салют.

17 июня. Ремонтируем шлюпку, шпаклюем, красим.

Макеев предложил сходить на «Громком» в Тазовскую губу посмотреть ледовую обстановку и поискать буи. Вышли в 7ч вечера. Дует северный ветер, небольшая волна. Стоять на мостике холодно, – слезу вышибает.

Устье Таза чистое, а бухта Мелководная забита льдом. Прошли вдоль южного берега по закраинам и битому льду до навигационного знака Вайтому. Под северным берегом сплошной лед.

Наблюдал красивые формы вытаивания льда – ледяные розы из распавшихся кристаллов.

Обнаружили буй на затопленном берегу и пошли вместе с Макеевым на лодке, но вырвать буй из льда руками не смогли. Пришлось подходить судном и заводить трос. На мерзлом грунте «Громкий» заполз на береговую отмель и сел на мель. Полчаса молотили на месте, но слезли и взяли буй на буксир.

В Тазовское вернулись в 1 ч ночи. Светло как днем – начался период полярного дня.

20 июня. Штормит от востока. Пасмурно. Вода медленно идет на убыль. Этим ветром лед должно отнести к Находке и, возможно, мы к ней пробьемся на «Громком».

Макеев еще два раза ходил в Тазовскую губу, – спасал вытравленные буи и два судна, зимовавших у южного берега под навигационным знаком Сале-Каптан.

22 июня. Потеплело. Лед стоит от мыса Ер-Сале до м. Сале-Каптан. Бухта Мелководная освободилась ото льда после восточного шторма.

Хотели уйти снова в губу, но «Громкий» неожиданно намотал на винт стальной трос (у берега скопилось много всякой железной дряни), и мы с Макеевым и вахтой до 6ч утра снимали этот клубок с винта. Чтобы приподнять корму и обнажить винт, пришлось затопить носовой кубрик. Лебедкой растягивали и ослабляли трос. Потом спали до 12ч,

но все-таки к вечеру вышли в губу, где выставляли буи на заходе в Усть-Таз.

Основной лед ушел до пос. Юрхарово, отдельные поля прижимаются к северному берегу и медленно движутся на запад.

Ночью опять ловили буи у Не-Сале и в устье протоки Безымянной р. Пур, а утром пришли в пос. Находка.

Весь берег здесь завален огромными льдинами, которые рассыпаются со звоном и шорохом на отдельные столбы под носом корабля.

Льдом разрушило два дома и пристройку у третьего.

Солнце. Тепло. Местный народ копошится на стройке новых домов на прибрежной косе и у чумов на высоком коренном останце.

25 июня. Тепло, туман, дождь. Вода убывает.

Учитывая прошлогодний опыт, свариваем металлические фермы для установки буквопечатающих вертушек на Тазовском баре. Спускаем и опробуем на ходу шлюпку.

Совместные работы с омской радиогодезической партией (РГП-15) Иртышского БУПа планируется начать в июле.

29 июня. Первый выход на шлюпке в губу. Шлюпка выкрашена красной краской снаружи и изнутри, и смотрится очень эффектно.

В устье протоки Осетровой установили мареограф. В губе штормит, работать нельзя.

1–3 июля. По-настоящему летний день: тепло, солнце, штиль, кучевые облака. Появились первые комары.

РГП наконец-то добралась до устья Пура.

Начали гидрометрические работы на Тазовском баре.

На «Казанке» пересек губу и добрался до устья протоки Щуей (одна из дельтовых проток системы Мессо-Яхи). Вода очень мутная, берега обрывистые и заросли ерником. На излучинах формируются песчано-илистые отмели, а на островах и пойме мощный наилок (до 10 см).

Много дичи, но здесь – заповедник.

На небольшом острове в устье Таза (знак Усть-Таз) наблюдал забавные игры пастушков, небольших птичек с загнутым вниз длинным клювом и хохолком на голове как у удода. Окрас – пестро-черно-коричневый у самцов и серый и самочек. Сидят кучкой на полянке среди травы и поочередно сражаются: подсакивают и клюют друг друга.

9 июля. До вчерашнего дня сильно штормило. Ветер был до 20 м/с. Сейчас – штиль.

Привели лихтер РГП «Гидрограф» из протоки Безымянной р. Пур в устье Таза, куда перебазировались океанологи и выставили буквопечатающие вертушки на Тазовском устьевом баре.

11 июля. Штормит от северо-запада 4 балла. Дождь. Пришлось в 6ч утра играть аврал и поднимать лодки на борт лихтера. Продолжаем грунтовые работы на Тазовском баре.

Пишу распоряжения и программу работ для каждого отряда, т.к. по указанию Р.С. Чалова 15 июля улетаю в Салехард, далее – в Москву и затем в Якутск для обсуждения и уточнения программы научно-исследовательских работ в дельте р. Яны по новому договору с Ленским бассейновым управлением пути.

В Тазовскую губу мы вернемся в 1981 году по просьбе Иртышского БУПа для исследования возможности создания оптимальной трассы судового хода в южной части Тазовской губы от Юрхаровской отмели до устья р. Таз.

Перечитывая свои полевые записи, я только сейчас осознал, что без помощи (абсолютно бескорыстной!) прораба Тазовского путевого участка Макеева Александра Николаевича в организации и проведении наших изысканий, вряд ли удалось многое сделать.

В 1971 г. Географический факультет МГУ заключил хоздоговор на три года с Ленским БУПом на исследование дельты и устьевого бара р. Яна в целях оптимизации судоходной трассы через устьевой бар протоки Главное Русло. Моя поездка в 1971 г. была в основном организационной. Там уже начал работать гидрологический (начальник – мл. научный сотрудник В.А. Милошевич) и морской (начальник – инженер Большаков) отряды под надзором Р.С. Чалова и А.Л. Богомолова.

Дельта р. Яны

1971 год

30 июля. Аэропорт Батагай в среднем течении р. Яны. Редколесная тайга; сопки, похожие на конуса вулканов, самая высокая из них увенчана радаром.

Аэродром грунтовый, принимает самолеты от АН-2 до АН-10. Движение интенсивное и, как гласит плакат, «...можно из Батагай попасть в любую точку Союза». Однако, пока я не могу добраться до самой ближайшей точки – Нижнеянска, что отсюда в 2,5 часа лета. Скопилось много пассажиров, а рейсы уводят по 8–10 человек.

Жарко, пыльно. Автоцистерна поливает дорогу и взлетную полосу.

Среди людской толпы увидел знакомое лицо – Даниил Берман, с которым я познакомился, когда работал на Тянь-Шанской высокогорной станции Академии наук Киргизской ССР. Путешествует по поселкам этого края с двумя сотрудниками Сибирского отделения АН СССР (Академгородок в Новосибирске) в поисках реликтов степей. Был в Нюрбе, сейчас летит в Верхоянск.

Славно провели время, рассказывая друг другу о краях, в которых каждый побывал (он – про золотые прииски и лагеря заключенных; я – о ненцах и их проблемах). Повезло давно утерянным духом свободного общения.

Спали в сквере, на траве. Они – в спальнях мешках, а я – под пальто на их палатках и тенте. Не очень комфортно, но лучше, чем в душном и вонючем здании аэропорта.

Появилась возможность уехать в Нижнеянск на теплоходе «Заря», который должен отойти от пристани Батагай сегодня ночью, но я не решился, т.к. диспетчер аэропорта обещал завтра отправить точно. Тем более что «Заря» идет два дня, набита битком, люди спят сидя.

Пока ночью в аэропорту в креслах. Надоедают мухи. В столовой кормят не плохо.

2 августа. Прибыл на место и вовремя. Дел столько, что нет свободной минуты.

Летели 2 часа над Яной, которая в пределах горной части сильно меандрирует, подмывая берега. Редкие небольшие поселки, часто в стороне от реки (прииски). После Янска, перевалив через Куларский хребет, самолет снизился и пошел над приморской равниной до развилки магистральных дельтовых рукавов Главное Русло и Правая (Кузогастаах). Отсюда начинается дельта р. Яны, – низкая арктическая тундра с многочисленными протоками и озерами.

Нижнеянский аэродром отсыпан из гравия и гальки на пра-

вом берегу реки в виде неширокой полосы длиной 1700 м, которая может принимать АН-2, АН-24 и АН-26.

При выходе пограничный наряд проверил паспорта и разрешение на въезд. На попутном катере переправился на другой берег в поселок и стал искать возможность добраться до пос. Юедей (в устье протоки Главное Русло), где разместился наш отряд.

Нижнеянский речной порт построен на месте перевалочно-го пункта в 1954 г. прямо в болотистой тундре на гравийно-галечной отсыпке, поверх которой проложены дороги, построены дома из бруса на сваях, вваренных в мерзлоту, или на бочках с цементом. Во всех домах теплая вода и электрическое отопление. В порту 10 башенных кранов фирмы «GANZ», у причала стоят под разгрузкой морские суда (лихтера финской и сухогрузы чешской постройки). В магазине много консервированных продуктов, но нет свежих овощей.

В настоящее время вся эта инфраструктура, обеспечившая снабжение Усть-Янского и Верхоянского районов и Депутатского ГОКа, практически уничтожена. Нижнеянский технический участок Якутского БУПа переведен в пос. Куйгу. Порт не работает. Большинство жилых домов пустует. Из-за нерентабельности нет регулярных авиарейсов.

Уехать на Юедей помог случай: одновременно со мной прилетел Александр Николаевич Бутаков (сотрудник Московского отделения института инженеров водного транспорта), с которым мы были знакомы по Москве. В его распоряжении было судно Янского технического участка «Коршун», на котором мы и добрались до Юедея.

Наши ребята устроились сравнительно неплохо: гидрологический отряд занимает дом, оставшийся от ссыльных политзаключенных, а океанологи разместились на землесосе чешской постройки, который разрабатывает судоходный канал на устьевом баре протоки Главное Русло. Настроение у всех хорошее, хотя хлопот по организации работ, конечно, хватает.

Местное начальство из Нижнеянского техучастка требует от нас практических результатов, но пока это невозможно из-за слабой подготовленности морского отряда, который за целый месяц не смог сделать ни одной океанологической станции и установить БПВ. Дело в том, что инженер-океанолог Большаков просто боится выходить в свежую погоду на работу, опасаясь

ясь промокнуть и простыть. Случай, конечно, исключительный, просто не знаю, что с этим делать. Мои беседы с ним не дали никакого результата. У парня полная апатия и нежелание работать. Решил заменить его студентом (инженера с университетским дипломом!) и перевести на время в гидрологический отряд.

Что я здесь делаю?! Достāju бензин и катаю бочки, ремонтирую приборы и лодочные моторы. Вытираю сопли молодым инженерам, которые хотят на большой белый пароход и не желают работать на мотолодках «Прогресс», т.к. на них брызгает волна и мерзнут руки.

6 августа. Штиль, тепло. Редкое явление для этого времени года. Получаем бензин на Нижнеянской нефтебазе и грузим бочки на понтон Володи Новикова (сотрудник Проблемной лаборатории Севера, который пытается бурить мерзлоту на Янском баре).

Нанесли визит начальнику порта Пахомову (Р.С. Чалов, я и В.А. Милошевич), инженеру по образованию и очень уверенному в себе («Без меня никто и кола не вобьет!»). К нам он почему-то благоволит: принимает в большом и просторном кабинете (сидит рядом на стуле, а не в кресле) и долго беседует, расспрашивая о наших работах. Все успехи роста поселка приписывает исключительно себе (планировка улиц, ванны в домах, молоко и овощи для детей, избыток рабочей силы). Согласен на аренду судов, но это нам не по карману (360 р. в сутки). Продал новый «Прогресс» за 900 р., который ранее мы брали на прокат до прихода наших лодок.

Вся неделя после моего приезда прошла в организационных хлопотах, но не напрасно: работают все БПВ, мареограф; сделали выброс люмогена.

Пытаемся организовать поездку в протоку Правую (Куога-стаах), но пока нет лишнего мотора.

Несколько дней назад отбыло начальство из Главводпути МРФ и Ленского БУПа. Совещание прошло в благоприятных тонах, но все же указали на необходимость интенсификации работ, – им по резрез нужны практические рекомендации по улучшению условий судоходства на Янском баре. На будущее предлагали работу на устьевом баре р. Индигирки.

9 августа. Хожу сонный, как весенняя муха, засыпаю на ходу. Дело в том, что мы (В.А. Милошевич, А.Л. Богомолов,

я и Сергей Харченко) провели последние 19ч на моторной лодке «Прогресс», предполагая сделать 100-километровый маршрут вверх по протоке Главное Русло от устья до вершины дельты Яны и далее вниз тоже 100 км по протоке Правой (Куогаста-ах). Дождались штиля и рванули под «Вихрем». Неискушенному не понять, как трудно управлять моторной лодкой без рулевого управления.

С собой взяли 190л бензина, спальные, продукты. Скорость движения составляла около 20 км/ч, расход бензина – 8–10л/ч.

Наблюдали всевозможные виды размыва дельтовых берегов в зависимости от литологии слагающих пород и характера мерзлой толщи (карнизы, ниши, блоки и т.п.). Впервые увидел ледяные клинья, пронизывающие дельтовые отложения.

Поездка несколько омрачилась нестабильностью работы мотора, который мы на Развилке не могли завести 7 часов. Всю ночь промаялись с мотором, попили чайку у костра и в 4ч ночи двинулись обратно, решив не искушать судьбу поездкой в протоку Правую.

В урочище Развилка на высоком берегу с редколесьем стоит большой дом, где летом живет старик Яша (сторож), а зимой отдыхают шоферы, перевозящие грузы по зимнику, и дорожные мастера.

17 августа. Сезон работ близится к концу. Моторы выходят из строя один за другим (водомер, «Вихрь» и судно «Турач»). У гидрологического отряда, работавшего в урочище Развилка, тоже сломался лодочный мотор. В Нижнеянск их буксировала самоходка.

Сейчас работаем попеременно: то гидрологи, то океанологи.

Вчера на Юедее провели операцию «крыша»: натаскали досок из старой копильни и перекрыли земляную крышу нашего дома. Скоро начнется сезон дождей, и земляная крыша будет протекать. Погода продолжает удивлять: штиль, сравнительно тепло.

Охотники приносят уток, а рыбы нет, чтобы разнообразить рацион.

20 августа. Штиль, тепло, можно загорать, что мы и делаем. Такая погода держится уже недели полторы и, судя по метеосводкам, это связано с клином теплого воздуха между Карским и Восточно-Сибирским морями, где сейчас ветер до 25 м/с.

Морю Лаптевых пока везет, но когда-нибудь достанется и нам. Поэтому готовимся к худшему и ремонтируем дом, устраняя щели и протечки. Напилили кучу дров из плавника.

Для работы погода лучше некуда, но как всегда подводят моторы. Океанологи наконец-то почувствовали вкус к работе и даже на веслах делают суточные станции на устьевом баре. Им помогают наши коллеги-мерзлотоведы, буксируя их к месту работ. Времени остается мало, т. к. землесос скоро уведут на отстой в Тикси, а океанологов придется списать на берег.

23 августа. Вчера, очевидно, «клин» теплого воздуха все-таки выбило и причем со страшным треском. Налетел шквалистый ветер с севера и до безобразия раскачал Янский залив. Воды нагнало в реку до бровок пойменных обрывов, и почти отрезало нас от лодок. Сорвало с якоря понтон с буровой Володи Новикова.

Чтобы выбросить люмоген, мы сунулись в это пекло и пошли на устьевой бар. Дошли до морского приемного бую, где грязные валы воды высотой 1,5–2 м накрыли нас. Выбросили «меченый» песок и начали удирать в реку. Корабль никак не мог развернуться, его все время клало на борт и заливало с кормы.

Сегодня опять штиль и тепло.

Завтра надо обязательно отобрать пробы грунта, чтобы труды с трассером не пропали даром. Водомет оставили у океанологов для завершения цикла работ.

27 августа. С погодой творится что-то небывалое: штиль, солнце, тепло. Загорал весь день и даже искупался в озерке у полярной станции (кстати, в 90-е годы эту и другие полярные станции, которые работали и во время войны, закрыли из-за отсутствия финансирования).

Охотники приносят по 10–11 уток, поэтому меню у нас однообразное: утиный бульон и жареные утки с гарниром.

Выпотрошенных птиц держим в леднике, вырубленном в мерзлоте.

1 сентября. Вчера закончился наш 200-километровый пробег по маршруту Развилка-устье протоки Правой. За 12 ч вчетвером мы совершили это путешествие в неизвестное. Речной обстановки нет, шли по топографической карте. Видимых на глаз больших изменений в русле Правой мы не заметили. Конфигурация протоки и русловых островов почти соответствует съемке

1952 г. Однако, берега протоки по большей части обрывистые, сильно размываются и обрушиваются вместе с береговыми навигационными знаками. На всем протяжении протоки населенных пунктов нет. Лишь землянки (юрты) охотников на песцов с деревянным каркасом и обложенные дерном. Тучи гусей.

В устье протоки Правой (Кузогастаах) в 30-е годы располагался перевалочный порт, который обслуживали заключенные. До сих пор сохранились остатки колючей проволоки, сторожевые вышки и бараки, производящие унылое впечатление. Далее к морю есть остатки домов, где жили переселенцы из Литвы. Сейчас некоторые из них заняты рыбацкой бригадой.

7 сентября. Холодный восточный ветер и туман. Железная печка в домике на 26 км судового хода в протоке Главное Русло согревает и освещает комнату. Жар дают не дрова, а ученические ручки, которые здесь почему-то оказались в большом количестве. Когда они прогорят, положу остатки гитары. Нас здесь двое: я и Володя Новиков. Я задержался здесь, чтобы организовать с помощью мастерских Нижнеянского порта установку двигателей на шлюпки для работы в следующем году.

Завтра попытаемся с Володией подсесть на судно, идущее в порт Тикси, откуда можно улететь в Москву.

9 сентября. Каюта второго помощника капитана СТ-912, которая идет в Тикси. На судно не брали из-за отсутствия мест. Пришлось нагло высадиться с вещами на палубу СТ (катер сразу ушел) и предъявить в качестве аргумента бутылку спирта. Теперь все идет своим чередом: я фотографирую команду, помогаю чалить лодку, которую однажды спас от затопления, когда она при буксировке попала под струю воды из системы охлаждения судового двигателя.

Судно и команда из пос. Пильгуй (р. Лена, выше Якутска). По дороге промышляют рыбой, и по моей рекомендации зашли на Юедей, где рыбачил дед Маркел. На Юедее еще оставались мои ребята, от которых узнал, что В.А. Милошевич и студент Валерий Полонский (ныне зав. Лабораторией морских устьев рек в Государственном океанографическом институте) – на Развилке доделывают гидрологию. А.Л. Богомолов на «Прогрессе» сделал съемку Заманихи на Янском баре.

У старухи Евы (жены Маркела) купил на 5 р. копченой ряпушки в дорогу.

Стоим в районе приемного буя в Янском заливе и ожидаем буксира, который поведет лихтера в Тикси, а мы – за ним, т.к. на СТ нет навигационных приборов.

В море Лаптевых штормит от 4–5 баллов. Моросит дождь. Холодно. В Тикси пришли в 10 ч утра. Завтра улетаю в Москву.

1972 год

26 июня. Вылетел из Москвы 20 июня. Красноярск не принимал, посадили в Кемерово. В результате на 4 ч прилетел позже в Якутск и соответственно в Батагай к концу дня, когда все полеты закончились. Первая группа моих ребят успела выбраться из этой ловушки 21 июня, а я застрял до 23 числа. Нижнеянск закрыт по метеоусловиям: туман, дождь, снег.

Удалось устроиться в гостиницу и спать нормально. Днем все время на нервах, – разрешат вылет или нет.

«Заря» по Яне еще не ходит, лед стоит на 26 км (выше Нижнеянска) и очень мало воды в реке.

23 июня вечером наконец продали билеты, но продержали до 12 ч ночи на аэродроме по непонятным причинам, а затем вывезли только до Куйги (330 км от устья Яны), где вытряхнули из самолета и заявили, что Нижнеянск закрыт и надо ждать.

Поселок Куйга стоит в очень живописном гористом месте, среди тайги. Речные берега здесь обрывистые и местами скальные. В поселковом магазине свежие овощи, апельсины, яйца. В столовой кормят неплохо.

До 25 августа сидели в зале ожидания. Спали в креслах (кто успел занять!) вместе с детьми. Буфета нет, до поселка далеко, а уехать не дают.

Вдруг появляется г-н Пахомов со свитой (начальник Нижнеянского порта) проездом из пос. Депутатский (крепко выпивши, самоуверен до предела). Звонит в Нижнеянск и требует прислать за ним «Зарю».

Лед прошел Нижнеянск и встал у Юдея. Было два затора: первый ниже Казачьего и вода пошла в протоку Самандон, второй – ниже Развилки и вода пошла в протоку Правую (Куогастаах).

«Заря» пришла вечером, и мы в 6 ч вышли в Нижнеянск. Путешествие оказалось очень утомительным. Часто останавливались из-за тумана и волнения.

Река Яна от верховья до Кулара течет в живописных скалистых берегах, поросших тайгой. Лед лежит толстыми глыбами на песчаных отмелях и на берегу. Ниже Казачьего все плоско и уныло – кругом заснеженная тундра.

В дороге познакомился с семьей отпускников, возвращавшихся в Нижнеянск, у которых переночевал и отоспался, прежде чем отправиться к своим.

Прилетел я очень вовремя: практически ничего не сделано по организации работ, кроме выезда группы В.А. Милошевича на Развилку. Студентов и сотрудников накопилось много в Нижнеянке, их постоянно гоняют с одного места на другое (с землесоса в общежитие, оттуда на 26 км). На счастье, наконец-то открылся Юедей, и я всех отправил туда под присмотром А.Ю. Сидорчука, оставив в Нижнеянке лишь механиков для установки моторов на шлюпки. О.И. Самсонов и студент-геоморфолог Саша Свитнев работают на метеостанции по сбору данных.

Все ребята полуодеты, приборов для работы не смогли найти в груде экспедиционного имущества, заранее переброшенного из Тазовской губы.

Несколько дней провел в Нижнеянке, вывозя частями груз со складов Пахомова на Юедей. Вид у меня был аховый – рваная синтетическая куртка и туристические ботинки с оторвавшейся подошвой.

На Юедее пришлось весь груз сортировать и составлять опись, отбирая приборы, запчасти и новое обмундирование из груды старья ихлама. Очистили от мусора еще один домик, где в прошлом году обитала группа В. Новикова, и подготовили две комнаты для лаборатории и мастерской.

29 июня. *Гидрологи сделали первый гидрометрический створ (на веслах). Большая концентрация взвешенных наносов в речной воде и высокие скорости течения мешают стабильной работе вертушке ВМ-М (наносами забивает переключатель).*

Штормит от юга, но солнечно. Прибыла группа А.Л. Богомолова и О.И. Самсонова, и опять возникла проблема расселения и обмундирования. Мы с Сашей Богомоловым имеем полушубок и штормовой костюм на двоих.

2 июля. *Солнце пригревает, но ветер холодный. Вчера выпал снег и лежал весь день.*

Ребята заняты наладкой оборудования в лаборатории. Шлюпок до сих пор нет, и многие уже начинают томиться от безделья. Промерная группа А.Л. Богомолова тоже бездействует, т.к. у местной радиогеодезической партии Свирелкина не работает радиолог.

На Юедее скопилось 17 человек. Повариха стонет.

5 июля. Солнечно, тепло (+31°), легкий бриз. Появились первые комары.

Вчера до 4 ч ночи (полярный день) работали в штиль в устьевом створе протоки Главное Русло (навигационный знак «Маяк»). Сильное стоковое течение. На отмелях под илом (толща 10 см) грунт мерзлый.

Группа В.А. Милошевича ушла с работой в протоку Камелек. А.Л. Богомолов ведет промеры русла Яны.

Попробовали выйти с океанологами на Янский бар, но к вечеру задул северо-западный ветер, который буквально за несколько минут раскачал все взморье до шторма. Потом все закрыл туман, и резко похолодало.

Из тундры пришел олень и лег у дома. Наверное, болен. Покормили хлебом, и он ушел обратно в тундру.

6–7 июля. С утра ветер, туман. Холодно. К 12 ч дня все очистилось, и мы вышли на «Прогрессе» в Нижнеянск.

На шлюпках установлен вал и рулевые тяги. Обещают закончить к субботе.

Выделение судна для рейса в протоку Правую отложено до понедельника.

В мастерских порта начали сборку треног для установки БПВ и изготовление весел для шлюпок.

Пограничники потребовали письмо с разрешением на производство работ в этом районе.

Вечером опять холодно и туман.

Занимался отладкой эхолота и комплектованием группы для работы в протоке Правой. Выгородил себе отдельный закуток у печки и навесил дверь, в которую теперь надо будет стучать. Сразу обрел статус, приличный для начальника партии.

9 июля. Встал как обычно в 7 ч. Все спали, повариха тоже. Завтрак подали к 10 ч, и лишь в 11 ч мы смогли выйти на устьевой бар. Все это время стоял штиль, а когда вышли на открытое взморье, то начало слегка штормить и налетел туман. Доде-

лывали разрез уже при сильном волнении и с трудом добрались до землесоса Л-1020. Договорились с командиром (В.Г. Кочубей) о размещении морского отряда.

11 июля. Начальник Янского технического участка Медведев наконец пообещал выделить для работы в протоке Правой «Путейский» – 24. Все завертелось стремительно: я достаю деньги на продукты, А.Л. Богомолов занимается бензином и шлюпкой. Вечером уходим на Юедей на «Тураче» (судно РГП), но начальник партии Свирелкин по неизвестной причине отказывается взять готовые треноги для БПВ. Создается впечатление, что он временами сознательно мешает нашей работе (позднее он сам признался мне в этом, но так и не объяснил, зачем он это делал). Приходится бросить их на берегу.

Погода мерзкая: дождь, град, туман и сильный ветер.

На Юедее срочно экипируем отряд А.Л. Богомолова. Забиваем ящики с оборудованием и продуктами, ищем в тундре бочки под бензин, смываем с них ржавчину.

После ужина, когда я уже приготовился отдохнуть, приходят ребята и говорят, что как будто идет «Путейский». Действительно, медленно тащится по реке какое-то суд-

Треноги для установки буквопечатающих вертушек

но, делает странный маневр и, не доходя до места обычной швартовки, направляется прямо к берегу напротив нашей базы, давая частые гудки. Ничего не можем понять, отчаянно машем руками, но «Путейский», не сбавляя хода, вылезает на полкорпуса на отмель и останавливается, продолжая работать винтом. В рулевой рубке стоит белый от злости Александр Леонидович.

Оказывается, что по дороге команда (капитан, рулевой и повар) перепилась до чертиков и полностью вырубилась. Богомолу пришлось самому вести дальше судно, но он не сумел вовремя выключить двигатель.

Судно сняли с мели «Коришном» и поставили к причалу. Команда так и не проснулась до утра.

15 июля. Воскресенье. А. Богомоллов сделал грунтовую съемку бара. Вечером вернулся из Нижнеянска Свирелкин и сказал, что наши получили бензин и вышли в рейс на «Путейском».

Устроили банный день: натопили печи в домике, согрели воду в баках и по старинке помылись в корыте и тазу.

К ужину вдруг из-за поворота показалась вереница лодок, которую тянула шлюпка. Ура! Наконец-то долгожданные плавсредства на плаву и на ходу.

В узком кругу отметили это событие так, что я на следующий день головы поднять не мог, но к ужину был уже почти в норме и начал отдавать членораздельные указания.

19 июля. Путевой мастер Бакшеев на «Тураче» привез наши треноги для БПВ, а мы помогли разгрузить ему 1000 штук вех для обстановки судового хода.

Ставим треноги на устьевом баре. Погода идеальная: штиль и солнце. Пять поставили, две утопили. На морской край выйти не удалось, – стоит лед. В ночь океанологи пойдут вешать на них приборы БПВ.

12 ч ночи – солнце над горизонтом, светло как днем. Дует слабый северный ветер.

По Заманихе далеко пройти не удалось: глубины не более 1,6 м; в судоходной бороздине глубины от 2,6 до 3,8 м.

Приехал А. П. Мартышов (мой зам по хозяйственной части) и привез деньги. Живем!

20 июля. Солнечно, тепло. Комаров пока нет.

БПВ поставили на треноги. Лед продвинулся ближе к берегу,

с Юедея видна белая полоса. Может повалить наши сооружения.

Сегодня отмечаем дни рождения сразу у трех студентов. Варим пельмени и тушим рыбу. Из-за нарушения технологии (девочки заткнули пробкой) лопнула бутылка с брагой (чему я был очень рад). Еле отмыли пол в домике, но винный запах стоял долго.

23 июля. Полный штиль. Комары злобствуют.

Проверили работу вертушек на баре. В Заманихе их забивает, песком, илом и водорослями, т.к. туда направляется основной сток воды и наносов. Треноги стоят прочно. Лед – на прежнем месте.

Группа А.Л. Богомолова заканчивает работать на Юедейском участке и уходит вверх по реке в район Нижнеянска.

24 июля. В Яне проходит паводок, поднялся уровень, поплыл мусор, бревна. Трудно ходить на подвесном моторе.

Жарко и комары.

Сегодня День работников торговли. Из Нижнеянска приезжают местные с песнями под баян. Пьяные падают за борт и сразу трезвеют в холодной воде.

Приехал Володя Новиков забрать свое экспедиционное имущество. На прощание распили бутылку джина, охлаждая напиток кристаллами глубинного инея из ледника.

Сегодня океанологи перебираются на землесос и будут работать на Янском баре.

1 августа. Сильно штормит от севера. Резко похолодало. Летают «белые мухи». Приятно затопить печь и слушать треск дров.

Организовали в Нижнеянке, в помещении технического участка, лабораторию по обработке фильтров.

5 августа. Поехали в Нижнеянск с очередной партией фильтров и за продуктами. На причале неожиданно встретили Р.С. Чалова (приехал на «Заре»). Сходили вместе в баню и хорошо попарились.

На обратном пути нас накрыл плотный туман, а затем и заштормило. Шли почти вслепую, по интуиции. Несколько раз садились на мель, а однажды поплыли в обратную сторону. Многолетний опыт плавания помог, и скоро мы, мокрые с ног до головы и замерзшие (это после бани!), причалили у Юедея. Нас уже и не ждали.

8 августа. Два дня обсуждаем с Р. С. Чаловым итоги работ на Яне и будущую экспедицию в дельту Индигирки. Специфика полевых исследований в устьях северных рек требует новых форм организации и укрепления кадрового состава Устьевой партии квалифицированными инженерами.

Решили провести рекогносцировочную поездку в устье Индигирки и на месте уточнить детали предстоящей работы.

Ночью начался шторм от запада. Утром ветер был 10 м/с, а сейчас усилился до 20 м/с. Попробовали на «Коршуне» выйти в море к земснаряду. До осередка дошли нормально (волна не более 0,5 м), а дальше на гребне бара нас стало валять и швырять как попало. Нахлебались воды.

Земснаряд стоит как в кипящем котле, волны идут через нижнюю палубу. Высота волн более 1 м.

Треноги стоят.

Температура воздуха упала до $+1,8^{\circ}$. Снег летит крупными хлопьями.

9 августа. В тумане на земснаряд налетела самоходка и повредила корму, и его уведят на ремонт в Нижнеянск, а океанологи опять съезжают на Юедей.

Собираемся в маршрут в Протоку Правую (Кузогастаах). Погода – дрянь: ветер, волна, дождь, холодно.

Штормом затопило шлюпку, а «Прогресс» забросило на бочки, и теперь он там стоит как памятник.

10 августа. Штиль пасмурно. Маршрутная группа грузится на «Прогресс» и отправляется в протоку Правую.

В Нижнеянске Р. С. Чалов и я обсудили в техучастке вопросы съемки Янского бара новой геодезической партией.

Спецрейсов на Индигирку еще не было (всего планируется сделать три). Я попадаю на последний, дата вылета которого не известна. Можно застрять здесь на неделю.

12 августа. Сегодня прилетел в пос. Чокурдах со спецрейсом и грузом радиогеодезической партии Ленского БУПа.

Аэропорт хороший, полоса бетонная. Садятся ИЛ-12, ИЛ-18 и АН-12. На Москву можно улететь через Тикси и Амдерму, в Якутск – через Батогой и Черский.

Поселок стоит на высоком левом берегу р. Индигирки (основан в 1936 г.). Грязный и беспорядочно застроенный как все наши северные поселки. Пыльно и жарко. Комаров мало.

Порта нет, небольшой причал. Два плавкрана и несколько лихтеров.

Прорабский участок находится в пос. Дружина, далеко выше по Индигирке. Путьевой мастер Борис Фадеев (здоровенный парень с копной рыжих волос) базируется в Чокурдахе и имеет теплоход «Сарыч». Он выставляет навигационные знаки на устьевом баре протоки Средней.

В магазинах Чокурдахе снабжение лучше, чем в Нижнеянской: свежий лук, сметана, куриные консервы, сосисочный фарш. В хозяйственном большой выбор разнообразной посуды, краска, инструменты; в культтоварах – бытовые приборы и запчасти к лодочным моторам.

Судоходство на Индигирке слабое: от Чокурдахе до Дружины ходит «Заря» (2 дня вверх и 26ч вниз); небольшие суда развозят по Аллаиховскому району то, что доставляют морские суда (так называемый «Северный завоз»).

Нанес визиты во все местные организации (Рыбзавод, Колымторг, Госбанк), и поселковый совет, чтобы выяснить возможность получения бензина, лесоматериалов, аренды судна и помещения.

Все оказалось очень сложно. Во-первых, нет нефтебазы, и горюче-смазочные материалы заказывают за год (завоз морем). Во-вторых, арендовать судно не получается, только попутные рейсы. В-третьих, приобрести полушубки, лодки, пилы «Дружба» практически не реально, т.к. эти товары поступают сюда в небольшом количестве и очень востребованы местными организациями. Аренда жилого помещения или склада тоже проблематична.

Вспоминаются напутственные слова начальника Киренгского технического участка П.И. Рудых: «Надейтесь только на себя!».

17 августа. Представился случай сходить на судне «Сарыч» вниз по Индигирке до пос. Табор. Прошли истоки протоки Русско-Устьинской (130 км судового хода от устья) и Колымской (100-й км), где рыбак дал мешок омуля и ряпушки. Сейчас стоим где-то посредине протоки Средней. Туман не позволяет дойти до Табора.

В пос. Табор располагается Астрогеодезическая экспедиция Гидрографического предприятия ММФ (нач. Ерохин М.Г.) и по-

лярная станция «Индигирская» (нач. В. В. Бутырин). Дома имеют центральное отопление и электрическое освещение. В распоряжении сотрудников экспедиции, которые делают зимний промер на устьевом взморье и устанавливают астропункты на побережье, есть вельбот, морские шлюпки и трактор. Обещают помочь со складированием и охраной экспедиционного имущества и продуктами.

В устье протоки Средней р. Индигирки на о. Деревянном (Немков) находится другая полярная станция от Тиксинского радиометеоцентра «Новая Деревня», которая ведет наблюдения за режимом ветра и уровнем воды в весенне-осенний период.

Путевой мастер Б. Фадеев этой зимой сделал нивелировку от репера Новой Деревни до гребня устьевого бара, где стоит затопленная баржа «Шестерка». Он же каждый год обставляет судовой ход на баре вехами (70 штук).

От устьевого створа протоки Средней (о. Морской) идет относительно глубокая (3–4 м) и извилистая русловая бороздина на расстоянии 21 км, которая заканчивается мелководным гребнем с глубинами 0,5–1,5 м, не позволяющим морским судам заходить в протоку Среднюю.

По заданию Ленского БУПа радиогодезическая партия С. Свирелкина будет вести промер вдоль русловой бороздины в полосе 500 м по обе стороны судового хода до глубины 3 м на взморье.

21 августа. Вернулись в Чокурдах. В поселке лежит снег. Рейс в Батагай отложен на неопределенное время, т. к. из-за погоды самолет был вынужден лететь не в Тикси, а в Норильск. Беседуя с экипажем, который описал сложившуюся ситуацию: из Норильска в ближайшее время не будет рейсов ни в Амдерму, ни в Хатангу, ни в Тикси.

Из Норильска нас все-таки забросили в Амдерму, где и остались. Взлетная полоса идет прямо вдоль морского берега, в 0,5 км от моря. Поселок расположен ярусами на склоне горы.

По расписанию отсюда должно быть 4 рейса на Тикси. Самолеты переполнены. Пришлось заночевать в гостинице.

В ночь на 24 августа сел наконец в самолет после разрешения командира занять откидное кресло прямо у входной двери. Стюардесса натаскала бутербродов и печенья.

По прилете в Тикси устроился в гостиницу «Моряк», но че-

рез час получил направление на т/х «Тольятти», и начал бегать по пирсу в поисках судна. Какие-то веселые ребята напоили меня коньяком. Заскочил на попутный буксир и через час поднялся на палубу «Тольятти», сухогруза чешской постройки. Чистота, уют и тепло, а я в сапогах и полушубке выгляжу как медведь в зоопарке. Сижу в рубке, глазею на хитрую судовую технику, и никому до меня нет дела. К счастью, во время разговора с капитаном выяснилось, что у него есть родственники на Иссык-Куле, где он бывал не раз. Беседу продолжили уже в каюте капитана. Помылся в душе и жду ужина, как равноправный член команды.

25 августа. Караван судов идет на Яну по Северному морскому пути. По радио узнали, что впереди три ледовые перемычки. Идем на малом ходу, т.к. не работает локатор. После мыса Буорхая вошли в битый лед.

26 августа. Стоим на внешнем рейде Янского бара. Здесь скопилось много самоходных судов и барж. Штормит 2–3 балла. Свинцовые облака, отблески солнца, временами идет снег. Прохладно.

До вечера томился на «Тольятти», пока через буксир «Мощный» не вызвали мотозавозню с земснаряда, где мне отвели отдельную каюту и покормили. Успел посмотреть два фильма, когда за мной на «Прогрессе» пришли наши ребята с Юедея.

27 августа. С утра обсуждаем с Р. С. Чаловым итоги работ на Яне и состав Устьевой партии, программу и сумму нового договора по Индигирке.

Р. С. Чалов завтра отбывает на Тикси и далее на Лену, в русловую партию О. М. Кирика.

Мои ребята на Юедее солят и коптят рыбу. Теперь каждый день на второе что-то рыбное, едим красную икру из чира и ряпушки.

За оставшиеся 10 дней работы надо сделать мерзлотную съемку Янского бара, повторить промер протоки Главное Русло по закрепленным поперечникам и закончить грунтовую съемку.

30 августа. Ясно, солнце, штормит от востока.

По прогнозу синоптиков 15 сентября пойдет шуга.

Вечером на «Путейском» вернулись 9 человек из Правой протоки. На Юедее сновалюдно и шумно.

31 августа – 1 сентября. Туман, ветер. Штормит от юга.

Сильный сгон воды, обнажились отмели. Водомерная рейка у «Маяка» почти обсохла.

Завтра идем на Янский бар усиливать навигационные знаки для повторной съемки.

Льдом повалило еще одну треногу с БПВ. В Заманихе приборы работают, но тренога погнута.

Бар будем снимать теодолитами со специальных «столов».

3 сентября. *Туман и штиль. Вода прибывает понемногу. К середине дня туман частично рассеялся, но бар закрыт плотно.*

Студенты и сотрудники экспедиции постепенно разъезжаются на грузовых судах до Тикси (Самсоновы, Урбанский, Турьянский и Дегтярев).

Сегодня решил дать отдых поварихе и сам взялся за обед. Сварил утиный суп с макаронами, на второе – бефстроганов из оленины, а на третье напек оладьи и заварил черный кофе. Все остались довольны.

4 сентября. *Пасмурно, снег. Температура воздуха 0°. Умеренно штормит от севера. Уровень поднялся на 80 см.*

Океанологи ищут на Янском баре поваленные треноги с БПВ. А.Л. Богомолов вместе с изыскательской партией Ленского БУПа пытается сделать съемку бара от «Маяка» до осередка.

А. Михинов выпустил люмоген в русловой бороздине и снял БПВ в Заманихе.

Сегодня ели уху из омуля и налима. Вкусно!

9 сентября. *Все работы свернули и пытаемся выехать в Тикси.*

Сидим в кают-компании т/х «Севан» и ждем, когда соберут караван и поведут на бар Яны, где передадут его морскому буксиру «Сунгари».

Накануне вместе с А.Л. Богомоловым вывезли часть оборудования на склад в Нижнеянск, потом долго гонялись за А.П. Мартышовым, чтобы взять деньги на проезд.

Зам. начальника порта Бабушко дал распоряжение устроить нас на СТ-922. Устроились хорошо: чистые простыни и выпивка, но за эти удобства помогли составить акт о пробоине. Утром узнали, что это судно оставляют на Яне зимовать.

Перешли на СТ-915. Грязные простыни и одна кровать на двоих. Утром опять новость – эту СТ тоже оставляют на Яне. Опять сходим на берег. Диспетчер дает указание капитану «Севана» пересадить нас на морской буксир, но там могут не взять.

10 сентября. *«Сунгари» тащит лихтер Л-1 по Янскому заливу, на который пересели мы. Остальные баржи оставили у на-*

вигационного знака «Маяк». Хозяева встретили нас радушно и истопили финскую баню. Попарились хорошо.

Лихтер финской постройки, где все продумано для нормального жилья команды (шкипера). Крепкая посудина, которую наши корабли переделывают в СТ, надстраивая рубку и размещая в трюме двигатель.

Утром разбудили помочь тащить буксирный трос. Палуба обледенела, волна валит баржу на бок. Трос толщиной в руку, никак не лезет в клюз. Часа полтора мучились и мерзли, но сейчас спокойно идем за буксиром.

На лихтере нас устроили хорошо: дали отдельную каюту, настелили на пол матрасов и включили для отопления «козла». Кормили картошкой, болгарскими помидорами, пирогами с рыбой и свежеевыпеченным хлебом.

Рано утром 11 августа разбудили и «обрадовали», – лихтер поведут не в Тикси, а на Лену. Пришлось опять пересест на «Сунгари» и идти от Быковского Камня в Тикси, где долго ждали катера, чтобы съехать на берег.

Поймали попутную машину и помчались в аэропорт, где сразу купили билеты на Москву, но вылет отложили до 10 вечера (экипаж отдыхал). Улетели на попутном рейсе из Чокурдаха.

На Яну мы вернулись в 1985 г. по просьбе Ленского БУПа продолжить изыскания на Янском баре, а также исследовать русловой режим перекаатов в нижнем течении реки на участке от пос. Казачье до пос. Усть-Куйга (200 км).

В 1974 г. Географический факультет заключил новый договор с Ленским бассейновым управлением пути (ЛенБУП) на производство научно-исследовательских работ в дельте р. Индигирки.

Дельта р. Индигирки

1974 год

29 июня. Летим на ИЛ-18 по маршруту Москва-Норильск-Хатанга-Чокурдах. В Норильске и Хатанге холодно (+1⁰ и +5⁰). Пасмурно.

В Чокурдахе +18°. Комары. А.П. Мартышов снял помещение в школьных мастерских для временной базы экспедиции. Расположились казармой: кровати впритык в два ряда, дым столбом.

С обеспечением работ большие проблемы. Бензин набрали по крохам в разных организациях 4 тонны, но получить не можем из-за неоплаты счетов факультетом, которые были отправлены еще 19 июня.

Шлюпки лежат в аэропорту, а разборный домик (балок) – в Якутске.

Транспорт нанять для перевозки груза трудно даже за наличные. Еще сложнее с заброской устьевого партии до Табора. Теплоходы местного техучастка ходят вниз, полностью загруженные вехами для судовой обстановки.

Банк не открывает счет, требуя копию приказа об организации экспедиции, а факультет такие приказы не высылает.

5 июля. *Жаркая погода держалась до вчерашнего дня, а сегодня пасмурно, похолодало и идет дождь.*

Среди ночи появился Сергей Свирелкин (нач. геодезической партии ЛенБУПа) и предложил свои услуги для переброски отрядов В.А. Милошевича и А.Л. Богомолова в дельту Индигирки, в урочище Кочерово.

Весь день грузили экспедиционное имущество на «Сайгак», стройматериалы и 10 бочек бензина.

Океанологи ремонтируют шлюпки: шпаклюют, заливают варом и красят.

Нынешняя доброта и предупредительность Свирелкина объясняется просто: во-первых, его зачислили в штат экспедиции по совместительству на 0,5 ставки; во-вторых, обеспечили обмундированием и запчастями к лодочному мотору и, в-третьих, привезли ему из Москвы колеса для автомашины и необходимые книги. От щедрот своих он даже выделил нам ящик мяса!

В Чокурдахе все (зам. директора Колымторга, участковый милиции, начальники СМУ и Быткомбината, прораб техучастка) что-то просят (штормовые костюмы, запчасти к лодочным моторам, моторы, накомарники и лодки) и всем что-то приходится давать.

12 июля. *Опостылевший Чокурдах остался далеко позади с его пылью, комарами, грязью и бесконечными организационными хлопотами.*

«Сайгак» тащит нас и целый караван из «Прогрессов» вниз по Индигирке к морю, на устьевой бар протоки Средней. Берега низкие, сложенные торфом и льдом.

Не обошлось без приключений. Кто-то, осматривая из любопытства окрестности в бинокль, заметил притопленную лодку и человека на ней. Легли в дрейф, поставили мотор на «Прогресс» и помчались на выручку к этому бедолаге. На днище перевернутой лодки стоял босой молодой якут и держался за веревку, со стороны напоминая наездника в цирке. По его словам, он так простоял с ночи. Отогрели, дали теплые носки и отвезли к рыбакам в пос. Осининово.

В Кочерово наши ребята установили балок на пустых бочках и две палатки с утеплителями. Оставили им два «Прогресса» и бензин.

К земснаряду подошли часов в 9 вечера, но нас накормили, выдали белье и дали две каюты на 4-х человек. Помылись в теплом душе, и вся усталость последних дней ушла вместе с грязью.

14–15 июля. *Погода отличная: солнце, тепло, волнение 1 балл. Земснаряд впервые в истории освоения судоходного пути по Индигирке начал копать канал через гребень Индигирского бара.*

Океанологи берут пробы на мутность и делают замеры параметров волнения и скоростей стокового течения при усиливающемся северо-восточном ветре.

Планируем пробурить скважину на гребне бара для определения залегания кровли мерзлых пород.

Ставим с мотозавозни (вспомогательное судно для подъема якорей) на треноги самописцы течения БПВ.

К вечеру 15 июля погода испортилась: туман, сильное волнение от северо-запада, появились отдельные льдины. Волны плещут прямо в иллюминатор каюты. Стоит такой грохот, что кажется, будто мы едем в товарном поезде.

20 июля. *По делам ездил на «Сайгаке» в Чокурдах, а на обратном пути инспектировал работу отрядов в Кочерово В.А. Милошевич) и на Немкове (Г.М. Заец).*

В Чокурдах тоже похолодало, но исчезли все комары. Сергей Харченко перегнал шлюпки своим ходом в Кочерово и далее до Немково (150 км!). Итог: шлюпки текут, а моторы перегреваются. Опять нужен ремонт.

На земснаряд добрался только к 3 ч ночи.

23 июля. Солнечно, штормит. Стоим у о. Немков. На «Сайгаке» пробуют эхолот и выставляют антенны отражающих радиостанций для работы радиологом.

Г.М. Заец проводит гидрометрические измерения расходов воды на створах в районе Немкова, Новой Деревни и Афонькиной протоки.

На острове стадо оленей штук 300. Ребята не жадничают, отстреливают по одному.

Идем на бар на своей шлюпке проверять работу БПВ и искать поваленные льдом треноги.

24 июля. Опять холодно, туман, штормит.

Вчера успели сделать на баре одну океанологическую станцию и поставить мареограф на затопленной барже («Шестерка»). Обратно шли на хорошей волне. Оморячились по полной.

Старпом выделил нам место для шлюпки на носовой части земснаряда и помещение для хранения приборов. По этому поводу распили с ним бутылку коньяка и поговорили за жизнь. Возмущался тунейдством и хамством начальства, текучкой кадров и пьянством. Здесь он отдыхает душой.

26 июля. Штормит от северо-запада. Волны идут вдоль прорези канала. Сильный нагон соленой воды. Уровень поднялся на 81 см. Стоковое течение реки повернуло вспять. Скорость – 0,2 м/с.

На мотозавозне ходили снимать ленту с мареографа. Волна хлещет через лихтер, пришлось добираться по колено в воде к люку, где установлен прибор.

27 июля. С утра немного штормило от 1–2 баллов, а к вечеру совсем заштило. Поставили еще одну треногу с БПВ и сделали четыре гидрологических разреза.

Вода опять пресная (сгон). Скорости стокового течения 0,2 м/с. У «Шестерки» русловая Бороздина (подводное продолжение реки) с глубинами до 2,5 м еще прослеживается, а мористее идет ровное дно с глубинами менее 2 м.

Вечером до 12ч ночи помогали лепить пельмени. Завтра День военно-морского флота!

29 июля. Слабое волнение от юго-востока, пасмурно, моросит дождь. Утром сменили ленту на БПВ, прибор работает нормально.

Вчера весело отпраздновали вместе с комсоставом День флота, который совпал с днем рождения командира. Пели песни под гитару, пили спирт и коньяк.

К вечеру опять заштормило от севера 2–3 балла, высота волны 0,5 м.

1 августа. *Океанологи совсем освоились работать со шлюпки, могут все делать самостоятельно. Уже сделали 50 станций и отобрали грунты с доброй половины устьевого бара.*

На открытом рейде стоят морские суда, ожидая разгрузки на речные СТ, СПН и СПО.

Начальство из ЛенБУПа настаивает на получении сведений о физических свойствах грунтов по трассе канала. Это можно сделать, получив колонки грунта бурением с заякоренного понтона, которого у нас здесь нет. Все, что мы можем, – методом зондирования шнеками определить положение кровли мерзлых грунтов.

8 августа. *Вернулся на земснаряд после инспекторской поездки по отрядам. Гидрологи, приспособились к местным погодным условиям, работая в штиль по ночам (полярный день) и отсыпаясь днем. Промерно-грунтовый отряд А.Л. Богомолова работает «скачками» по 10–15 км, а потом сутки отдыхает. Все это очень необычно, но главное в этих суровых условиях – результат!*

Случайно оба гидрологических отряда (В. Милошевич в Кочерово и Г. Заец у Немково), работая одновременно ночью, поймали спад уровня.

На баре падение уровня выразилось в обсыхании отмелей на кромках русловой бороздины и в увеличении скоростей и мутности стоковых течений.

10 августа. *Заштормило с севера. Волны высотой до 1 м. Кармералим: наносим на карту положение океанологических станций и составляем схемы течений.*

Починил мотор на шлюпке, заменив прокладки на головках цилиндров и карбюратор.

16 августа. *Сильно штормит, идет снег крупными хлопьями. Вчера пытались работать, но удалось сделать лишь один разрез и сменить ленту на БПВ.*

Высадил на затопленный лихтер океанологов замерить высоту волны. Потом волнение усилилось и пошли целые валы, под-

нимая шлюпку выше палубы. С трудом снял ребят с лихтера (ползли на карачках в бурлящей воде). С наветренной стороны жуткая картина: хаос сишающихся волн и пенных гребней.

17 августа. С утра до вечера – штиль. Решил использовать момент и пробурить скважину на мерзлоту в прорези, в створе «Шестерка» – «Лихтер». Бурить со столика не получилось: мала площадка и очень шаткая опора. Попробовали с борта шлюпки и с матюгами загнали мотобуром в грунт четыре шнека по 1,5 м и уперлись в мерзлоту, т. е. мощность талого слоя не более 5 м. Обратно вытащить всю связку труб не смогли. Оставили их торчат посреди моря Лаптевых. Попытка вытащить их с мотозавозни лебедкой закончилась тем, что она их вдавила в грунт. Запасных шнеков у нас не было, только трубы от установки УПБ-25, которые не подходят к ручному мотобуру МП-10.

21 августа. Два дня подряд стоит хорошая погода. Штиль, иногда проглядывает солнце, относительно тепло.

Приезжали Р. С. Чалов и А. П. Мартышов. Обсуждали результаты работы этого сезона. Прочитали для команды земснаряда две лекции об МГУ и о программе наших работ.

Вчера опять придавило льдом треногу с БПВ. Деревянные «ноги» всплыли, и мы смогли вытащить прибор.

После обеда резко похолодало. С моря надвинулись клочья тумана и заштормило. При работе с теодолитом сильно мерзнут руки.

31 августа. Штиль. Тепло. Ушли на дальние створы (16 км судового хода от устья протоки) делать грунтовую съемку. Вкальывали 9 часов без перерыва и успели вернуться на земснаряд до начала шторма.

Командир жалуется на большую плотность грунта, которая снижает скорость проходки прорези. По нашим данным зондирования это не может быть мерзлотой, а скорее всего выходы коренных глин, о которых ранее писал В. С. Ломаченков (1960).

4 сентября. Дodelывали грунтовую съемку на морском крае бара. Штиль. Летают снежинки.

Начинаем потихоньку свертывать работы на устьевом баре.

Гидрологические отряды тоже заканчивают измерять расходы и готовятся к возвращению в Чокурдах.

1975 год

27 июня. Прилетел в Чокурдах в 5ч вечера. Сухо. Комаров нет. Температура воздуха +20°. Остатки снега лежат под береговыми обрывами. На озерах в тундре лед.

Половодье пошло на спад, но вода стоит еще высокая.

Меня встречали Гриша Заец и два студента-океанолога (Пучков и Дягонов). Остальные разъехались: А.П. Мартышов в Якутске, группа В.А. Милошевича и Сергей Харченко на «Косатке» (судно рыбнадзора) ушли вниз по Индигирке на Табор за экспедиционным имуществом, взяв с собой 10 бочек бензина. С Табора вернуться в урочище Кочерово (вершина дельты), где снова поставят балок и начнут гидрологические работы.

На следующий день нанес визит на земснаряд, который останавливается в Аянской протоке недалеко от Чокурдах. Встретили очень радушно, а закончилось почти по Есенину «дружеской попойкой» с комсоставом, который почти не обновился.

1 июля. Прошел слух, что земснаряд уводят на Индигирский бар, и я с океанологами поспешил занять отведенные нам каюты. Команда давно рвется на бар, но путевой мастер Б. Фадеев твердит, что бар закрыт льдом, а в тоже время «Сарыч» ушел обставлять бар буями и вехами. Радиогодезическая партия С. Свирелкина пока работает на Моме.

Океанологи постепенно вживаются в быт земснаряда, проводят поверку приборов.

Погода солнечная, комаров нет. Можно загорать.

А.Л. Богомолов застрял в Хатанге по метеоусловиям со вчерашнего дня.

2 июля. Земснаряд швартуют для буксировки на бар Индигирки. По пути надо будет забросить бензин в отряд Милошевича и взять шлюпку на Таборе для океанологов.

Сидим вместе с электриком Стефанычем на крыше рубки земснаряда и загораем. Ветрено, но тепло.

Потом старпом опять затащил меня в каюту выпить за отплытие. После ужина, когда прошли пос. Оётангу, на мотозавозне поплыли вперед, чтобы успеть завести Милошевичу бензин. Погода резко изменилась: накрапывает дождь, пасмурно, в проветах между облаками – солнце и двойная радуга через реку.

В Кочерово пришли, когда стало сильно штормить, снизу по-

шел туман и стало холодно. В темноте разгрузили 15 бочек, взяли необходимые вещи и быстро пошли назад.

К земснаряду подошли в 11ч ночи. Сильно промерзли. Мотозавозня ушла в протоку Русско-Устьинскую вместе с буксиром «Баскунчак» снимать с мели РПТС (рыбачье судно).

Ночью из постели вынул старпом – снова пить. Закусывали корейским блюдом «хе» (свежая рыба с луком и уксусом).

Утром механик и электрик пришли опохмелиться. Спирта у им не дал, а послал за пивом к поварихе, которая делала его из концентрата солода. Получалось что-то вроде крепкого кваса. Выпили и это.

Погода солнечная, но ветреная. Холодно. По радио узнали, что вчера снять с мели РПТСку не удалось. Будут буксировать в протоку Русско-Устьинскую земснаряд и пытаться сдернуть судно лебедкой.

4 июля. Индигирский бар встретил неласково: западный ветер до 15 м/с, туман, холодно. На гребне бара лед.

Стоим в устье протоки Средней, около о. Немков.

7 июля. Слегка штормит от юго-востока (1–2 балла). Моросит дождь. Спустили шлюпку и сделали первый выход в море. Поставили на лихтере мареограф.

Морской канал, сделанный в прошлом году, вроде бы сохранился. Глубины в прорезе от 2 до 4 м.

В Новую Деревню пришел отряд А.Л. Богомолова на 3-х «Прогрессах», который будет жить в пустующем балке радио-геодезической партии.

Земснаряд начал расширять и углублять канал. Прошел за 2 дня 220 м.

12–14 июля. Установилась теплая и солнечная погода. Штиль. Использовал попутный рейс «Сайгака» и посетил все отряды. В Чокурдах наконец пришел груз с балком и измерителями течения ГР-42. Три дня торчали в поселке, – запил капитан «Сайгака». На обратном пути в Кочерово передал В.А. Милошевичу новые приборы и хлеб для А.Л. Богомолова. Взять на буксир водомет не решился, т.к. в дороге капитан снова запил, и судно вели сотрудники радиогеодезической партии.

На земснаряд пришли в 12 ч ночи. Здесь близко подошло ледяное поле, и РТ «Прибой» своим весом давил лед, с разгона вскакивая на льдину (толщина 50–70 см).

Вручил Григорию Заецу телеграмму о рождении сына. Конечно, обмыли эту радостную новость, и теперь ползаем как дохлые мухи.

Битые ледяные поля толкнутся возле лихтера. С трудом сместили ленту на мареографе.

Холодно (температура воды $+8-11^{\circ}$).

15–19 июля. Штормит от северо-востока 1–2 балла. Холодно. Пасмурно. Летают «белые мухи».

Океанологи сделали два разреза с измерением скорости и направления течений и отобрали пробы на соленость. Испытали солемер, тарированный на стандартной морской воде. Поставили две треноги для самописцев БПВ.

Радиогеодезическая партия ЛенБУПа делает промеры морской части бара и его крыльев.

21 июля. Базовый лагерь гидрологического отряда в районе рыбалки Верхнее-Средней. Тундра цветет. Огромное разнообразие красок и видов растений. Травяной ковер такой плотный, что негде поставить ногу, не помяв цветы. Грибов и ягод еще нет. Пасмурно. Тихо.

Начались старые беды с моторами: выбивает свечи из головок цилиндров, прогорают стенки цилиндров и т. п.

Рыбак из Бурулгино уехал в Чокурдах и просил кормить собак рыбой из его сетей. Собаки сидят на привязи и объедают вокруг траву. Здоровенную рыбку съедают с головы за несколько минут. Лохматые, с обгрызенными хвостами, шерсть лезет клоками. Жалкое зрелище.

Ходил в маршрут с описанием литологии береговых обрывов и отбором проб на абсолютный возраст в истоках протоков Русско-Устьинской и Средней.

28 июля. Пасмурно, тепло, штиль. Комары свирепствуют. Спасаемся дымукурами, «Детой» и накомарниками. Для разнообразия рациона студенты стреляют гусей в протоке Колымской и ловят сетями рыбу.

Быт и работа в гидрологическом отряде Милошевича налажены хорошо. Измеряют расходы воды в узле разветвления проток в вершине дельты и проводят уклономерные наблюдения.

1 августа. Остров Деревянный, метеостанция «Немков». Солнечно. Температура воздуха $+6^{\circ}$. Комаров нет.

Половину дня шли на «Прогрессе» от вершины дельты вдоль

протоки Средней. Осматривали берега и составляли маршрутную геоморфологическую карту.

Промерно-грунтовый отряд А.Л. Богомолова продолжает отбор проб грунта с «Прогресса» и водомета.

2 августа. Только сегодня к 12ч дня попал на земснаряд. Вечера вечером со стороны моря надвинулся плотный туман, и пришлось заночевать на Немкове.

Утром всю хмарь растащило ветром, и все разъехались на свои базы: группа Милошевича в урочище Кочерово, а мы – на Индигирский бар.

Судовой ход на акватории устьевого бара обставлен буйами и вехами, что позволило нам быстро добраться до земснаряда.

Волнение 1–2 балла. На горизонте в море виден лед. Перед ужином сходил на мотозавозне к кромке ледяного поля. Туман. Холодно. Льды разбиты на отдельные глыбы причудливой формы.

4 августа. Солнце, сравнительно тепло. Штормит от юго-востока. Сгонный ветер принес запахи тайги и комаров. Льды ушли от земснаряда на 5 км.

К вечеру с севера снова появился туман, пошла рябь, внезапно подул северный ветер, и стало резко холодно.

Океанологи успели сделать термогалинные разрезы на морском крае бара.

8 августа. Солнце. Мгла. Льды отогнало южным ветром.

Завтра «Сарыч», «Сайгак» и «Олень» идут в Чокурдах. Отправляю с ними лишнее экспедиционное имущество в Кочерово.

Океанологи на «Прогрессе» в штиль работали на морском крае бара.

Вечером все изменилось: штормит от севера, туман. До этого к земснаряду подходил «Сайгак», привез письма и, как потом оказалось, спиртное.

Сейчас 1 ч ночи. Вся команда земснаряда в загуле от комсомола до матросов.

10 августа. Земснаряд переставили ближе к берегу, опасаясь льдов, которые за сутки подошли к затопленному лихтеру.

Океанологи прямо с борта берут пробы на соленость, пытаются поймать «клин» соленых морских вод.

Вчера праздновали день рождения поварихи, которая напекла песочных пирогов и корзиночек с вареньем. В разгар веселья случайно заметил, что мотозавозня дрейфует по ветру (ото-

рвало). Пока спускали «Казанку», ее унесло ветром на отмель «Первенец», откуда потом она с трудом слезла своим ходом.

14 августа. Снова штормит с севера. Туман, холодно. Мелкий битый лед движется мимо нас.

Высказал командиру свои соображения по защите канала от заносимости речными наносами. Моя идея сооружения ям-ловушек в зоне сочленения канала и естественной русловой бороздины для перехвата наносов ему понравилась. Готовим проект ловушек для согласования с Ленским БУПом.

15–16 августа. На палубе снег. Холодный восточный ветер, туман. Льды отодвинулись на 3–4 км за «Шестерку».

Океанологи на шлюпке делают продольный гидрологический разрез по русловой бороздине.

18–23 августа. Слабый ветер от северо-востока. Пасмурно, холодно. Нагон.

Большая часть морских судов разгрузилась, кроме танкеров.

Свои работы на баре и в устье протоки Средней практически свернули. Заканчиваем обработку полевых материалов. Упаковываем экспедиционное имущество для отправки в Чокурдах.

25 августа. Северный ветер 20 м/с. Земснаряд работает в каше битого льда.

Вечером на «Басканчуке» пришли Р.С. Чалов и А.А. Наумов (новый зам. по хозяйству Устьевой партии). Из-за шторма не смогли сойти с судна в Кочерово и прошли дальше на бар.

Просидели до 3 ч ночи в разговорах с командиром земснаряда.

Путевой мастер Б. Фадеев забрал океанологическую группу с грузом и отвез на своем судне в Кочерово, где скапливается всё экспедиционное имущество полевых отрядов.

Р.С. Чалов сообщил, что планируются работы Устьевой партии на новом объекте – в дельте Енисея.

По просьбе Ленского бассейнового управления пути вернулись на Индигирку в 1989–1991 гг. для продолжения работ на устьевом баре и составления карт глубин и грунтовых карт главных дельтовых рукавов – проток Средней, Русско-Устьинской и Колымской.

В 1976 г. был заключен хозяйственный договор с институтом «Ленморпроект» на исследование гидрологического и руслово-

го режима дельты Енисея. Опыт работы в условиях Крайнего Севера показал, что для повышения эффективности полевых изысканий нам необходимо свое экспедиционное судно, оборудованное эхолотом. Задача оказалась сложной, т. к. практически все суда и судовые эхолоты распределялись в то время строго по фондам, на которые Московский университет, как учебное заведение, права не имел. Пришлось вместе с новым замом по хозяйственной части Алексеем Анатольевичем Наумовым (бывший яхтсмен и ветеран войны) идти на прием к начальнику отдела по распределению судов Министерства транспорта и уговаривать сделать для нас исключение и выделить судно проекта «Ярославец». Неделью ходили в этот отдел, как на работу. Рассказывали о специфике наших изысканий, трудностях экспедиционной жизни, и к нашему удивлению, смогли убедить всех сотрудников отдела в нашей необходимости такого судна.

К началу работ на Енисее мы не только приобрели «Ярославец» (дали название «Никифор Бегичев» в честь русского землепроходца и исследователя Арктики), и небольшой катер (малый сетеподъемник ладожской постройки с двигателем 40 л. с., который называли «Гидролог»), но и пробили 6 госбюджетных ставок для этих судов в Министерстве высшего образования.

В 1981 году научно-исследовательское судно было переименовано в «Профессор Н. И. Маккавеев» в честь основателя московской школы русловедения, которое под этим названием до сих пор плавает по реке Лене.

В дальнейшем нам предстояло переправить эти суда по железной дороге до Красноярска, а потом каким-то образом перенести их в Дудинку, и самое главное – найти команду.

Дельта р. Енисей

1976 год

17 июля. Базовый лагерь Устьевой партии на высоком правом берегу на слиянии протоков Каменный и Большой Енисей, в 5 км ниже по течению от пос. Байкаловск. Поставили фанерный ба-

Памятник Никифору Бегичеву, пос. Диксон

лок красного цвета и двойную каркасную палатку с деревянным полом и печкой-буржуйкой. Лагерь хорошо виден издалека в виде яркого пятна среди темной тундры.

Солнце, но прохладно. Комаров пока мало.

Вокруг лагеря холмистая кустарниковая (багульник) тундра с озерами. Много цветов: тюльпаны, незабудки.

Берег сложен песчано-галечно-валунным материалом. На बीचевнике россыпь из обломков сердоликов, яшмы, агатов и кварца. В береговых оврагах лежат снежники.

Из Москвы я вылетел 12 июля утренним рейсом в Норильск (аэропорт Алыкель) откуда до порта Дудинка ходит электричка, на которую я опоздал. Пришлось ехать на поезде, где провел всю ночь и прибыл в Дудинку в 4 ч утра. Дорога была интересной: холмистая лиственничная лесотундра с небольшими полугорными речками. Поезд шел медленно, долго стоял на разъездах (однопутка). Мужики бегали в магазин за водкой (2 ч ночи!), а машинист гудел, созывая пассажиров.

Нашел гостиницу, где снимал номер А.А. Наумов. Моя кровать была занята А.П. Лаговым, начальником Усть-Портовской учебно-научной станции географического факультета МГУ, где проходили летнюю практику студенты кафедры гляциологии и мерзлотоведения.

До 6ч утра сидел и дремал в кресле в холле с телевизором, пока Лагов не уехал в аэропорт. Лег на освободившуюся кровать и блаженно заснул. Утром А.А. Наумов пришел будить Лагова, а нашел меня. Выпили пивка, слегка закусили, и он стал вводить меня в курс дела.

К моему приезду в Дудинке оставался А.Л. Богомолов и гидрологический отряд Г.М. Заеца, которые ждали решения вопроса о продлении аренды в порту судна «Арктический» до прибытия нашего «Никифора Бегичева».

18 июля. Солнечно. Штормит от севера. Наш берег прикрыт песчано-галечной косой, сформированной от устья р. Таналау.

Ночью восточный ветер не давал возможности растопить печи, пока не нашли правильное положение печных труб. Заснули в 5 ч ночи.

Сегодня камеральный день и заготовка дров. Проблема со снабжением горючим. В Дудинке готовы к отправке 15 тонн, но капитан арендованного судна «Арктический» не берет

на борт бочки, а только канистры с бензином. Придется забрасывать вертолетом.

Отправился в пеший маршрут с целью собрать материал для составления геоморфологической карты дельты Енисея. Зашел из любопытства в пос. Байкаловск. Место мерзкое: грязь, ветхие дома, местные женщины (ненки) предлагают себя за бутылку водки; драки и брань в магазине из-за водки.

На окраине поселка – метеостанция (начальник Козлов А. Г.), где живут приятные люди. В доме чисто, ходят в носках и очень косились на мои сапоги. Договорился о получении бензина в долг, данных по уровню и хранении нашего имущества зимой. Послал радиогамму на Диксон, где Наумов должен арендовать еще одно судно для работы в дельте Енисея до прихода наших кораблей из Красноярска.

Пасмурно. Штормит от севера. Ночью успели сделать гидрологический разрез в протоке Лопатной.

Договорились с гидрографической партией Игарской гидробазы совместно провести съемку течений на Турушинском перека-те и отобрать пробы грунта.

Турушинский перекат, расположенный в протоке Бол. Енисей между островами Лопатин и Турушин, является наиболее проблемным участком для морских судов. Здесь периодически работают земснаряды, но прорезь быстро заносится речными наносами. Наша задача – найти и по возможности устранить причину заносимости.

23 июля. Солнце, тепло, слегка штормит от юга.

Гидрологический отряд В. А. Милошевича вернулся от мыса Муксунинского (вершина современной дельты), где сделал 4 разреза. Все это время был штиль. Милошевич жалуется на трудности с выбором якоря вручную на больших глубинах. Говорит, что скорости течений небольшие, и вряд ли в это время (межень) река может что-то перемещать и заносить прорезь на перекате Турушин. Основные переформирования дна идут, по его мнению, в период половодья, когда расходы воды в 10–15 раз больше меженных. Гидрологию надо делать одновременно несколькими отрядами во всех дельтовых протоках Енисея, а потом уже можно заниматься донными грунтами.

25 июля. День Военно-морского флота. Нас пригласили на метеостанцию, где собрался весь цвет местной интеллиген-

ции: начальник почты (будущий председатель поссовета), два завмага (один из Мунгуя). Погуляли крепко. Вернулись к себе на базу поздно ночью.

27 июля. Вчера в Дудинку ушел «Арктический» – конец аренды. Получил ответ из Диксона: А.А. Наумов идет на арендованном лоцманском боте «Галс» по Енисейскому заливу.

Наше экспедиционное имущество из Дудинки перевозят на катере рыбоохраны «Каштак».

Солнце, штиль. А.Л. Богомолов закончил нивелировку от базы до метеостанции для передачи абсолютной отметки на наш временный водомерный пост, и уплыл для отбора грунтов в район о. Турушина.

31 июля. Солнечно, свежий ветер. У нашего берега тихо, а на фарватере судового хода всё седое от «барашков» волн.

Последние три дня погода неистовствовала: ветер, дождь. Все забились в палатки и спальные мешки. Палатки текут и шатаются от ветра.

Ночью нагнали воды и волновым заплеском затопило лодки с подвесными моторами. Вытащили только две, а одну закопало в песок по ватерлинию. Моторы пришлось перебирать и чистить. Ко всему прочему накануне ребята вымокли на разгрузке бензина и фанерного балка с «Каштака», которые пришлось возить на высокой волне на берег. В общем, досталось всем.

3 августа. Ждем лоцмейстерский бот «Галс» из Диксона. Тепло, солнце. Погода последние два дня была относительно ровная и тихая. Только сегодня задул северо-западный ветер и появились «беляки».

Милошевич и Богомолов ушли на «Прогрессах» к о. Турушин. Гидрологи будут делать продольный разрез через гребень переката, а Богомолов отбирать пробы грунта.

На нашем водомерном посту работает мареограф и пишет на ленте приливные волны высотой от 15 до 20 см.

Из щитов сборного балка собрали баню и отлично помылись и постирались.

6 августа. Долгожданный бот пришел только 4 августа, когда мы перестали выбегать на любой гул двигателя. Тихо подошел к берегу и дал сирену, требуя лодку. Команда вся навеселе. По словам А.А. Наумова пили всю дорогу (400 км по Енисейскому заливу и Енисейской губе), опорожнив 16 бутылок спирта.

На Диксоне холод, лед, и команда рада, что вырвалась в более теплые края. Капитан «Галса» (Иван Григорьевич) попросил день, чтобы отдохнуть после длительного перехода и поправить судно. Оказалось, что ранее он работал на большом рыболовном траулере первым помощником капитана, но был списан на берег и отправлен на Диксон из-за того, что один из членов экипажа остался за рубежом.

«Галс» настоящее морское судно с деревянной палубой, оснащенное всевозможными навигационными приборами (эхолот, локатор, гироскопы) и мощными электрическими лебедками для вытаскивания якоря.

Сегодня отряд В.А. Милошевича уйдет в рейс на «Галсе», чтобы закончить гидрологию в районе мыса Муксунинского.

Г.М. Заец собирается сменить В.А. Милошевича и работать до сентября в устьях протоков Каменный и Бол. Енисей.

А.А. Наумов на вертолете вывез из Дудинки 4 бочки бензина. Теперь можно не побираться у местных жителей.

13 августа. Штормит от северо-запада. Дождь. Холодно.

«Галс» мечется от берега к берегу в поисках убежища от волны. Студенты охотятся на зайцев. Местный рыбак Михалыч иногда подбрасывает нам «костылей» (мелких осетров, которые запутываются в сеть для лова ряпушки). Так что последнее время питаемся только дичью и рыбой.

18 августа. Ветреная и холодная погода. Солнце проглядывает редко. В ночь на 16 августа выпал снег и засыпал наши палатки, балки и ближайшие холмы. На «Галсе» сделали эхолотный промер Турушинского переката.

20 августа. Ветер утих, пасмурно, холодно. Комаров нет.

Отряд А.Л. Богомолова собирается на острова Лопатин и Турушин для определения координат пунктов, с которых потом будут делать засечки теодолитами положения судна при промерах.

22 августа. Тихо, солнце (+15°). А.Л. Богомолов и 4 студента ушли на Турушинский перекал отбирать грунты.

Вечером сходил на охоту и принес 1 куропатку и 3 уток. Вспугнул оленя-самца. Ушел по болоту как вездеход. Рога – целая вешалка. Бежит легко. Долго наблюдал за ним.

24–25 августа. Штормит от запада.

Сделали 11 промерных галсов. Судоходную прорезь на Туру-

шинском перекате снимает гидрографическая партия Игарской гидробазы.

Вернулся «Галс» взять продукты и сменить студента (очередность в работе). Отработали всю верхнюю часть дельты и некоторые мелкие протоки.

Ждем А.А. Наумова и Р.С. Чалова.

Сергей Харченко пригнал из Дудинки наше второе суденышко, – малый сетеподъемник ладожской постройки (МСП). Судно неплохое: есть каюта на 4-х человек, трюм. Хорошо держит волну до 3 баллов, но слабоват двигатель (40 л. с.). Беда в том, что Сергей пока не имеет прав на управление МСП, а здесь судходная инспекция очень бдительная.

28 августа. Сворачиваем базовый лагерь и на «Галсе» уходим в Дудинку, где будем дожидаться приезда Чалова и Наумова и отправлять студентов в Москву.

1978 год

19 июля. Прошло ровно 12 ч, как я вышел из дома на Шаболовке, а сейчас сижу на грязном полустанке Алы-Кель и жду электрички на Дудинку, которая по расписанию должна отойти в 12 ч ночи. Светло (полярный день), тепло и комары, от которых спасаюсь «детой».

Летели из Москвы на высоте 11400 м. За бортом – -52° , в салоне тоже прохладно, пришлось одеть куртку. По всей трассе слоистая облачность: ровная белая пелена из облачных валиков; изредка торчат одинокие «башни» высококучевых облаков. Внизу на горах еще лежит снег в распадах и на склонах.

В Норильске $+20^{\circ}$. В ожидании электрички перекусил сосисками и хлебом, взятыми из дома. Народ в зале ожидания каким-то образом постепенно редееет. Оказалось, что уезжают на товарных тепловозах. Решил попробовать тоже, – взяли!

Еду первый раз в жизни в кабине тепловоза на сиденье второго машиниста. В боковые зеркала видно, как болтаются цистерны, и чувствуешь, как тяжело начинает двигать состав тепловоз.

Тундра покрыта молодой сочной зеленью, снег лежит только на склонах северной экспозиции.

Смотрю на тундру и не могу поверить, что еще два месяца назад плыл по Красному морю и Суэцкому каналу, возвращаясь

из рейса научно-исследовательского судна «Академик Петровский» в Индийском океане.

В полночь прибыли на товарную станцию Дудинки, и я по шпалам отправился в город. Пасмурно, моросит дождь.

В 17 ч вечера на своем судне «Никифор Бегичев», которое только что прошло судоходный регистр, вышли вниз по Енисею в Байкаловск. Капитан – Семенов, местный житель Дудинки, пенсионер, имеющий диплом капитана-механика. Все время в состоянии легкого подпития, ругается матом со своей женой Нелей, исполняющей обязанности повара, и ставит ей синяки под глазом. Очень колоритная пара.

21 июля. Стоим в протоке Серутетэ. Солнце, тепло, тихо.

А.А. Богомолов и три студента на «Гидрологе» ушли делать грунтовую съемку в Каменном Енисее. Гидрологический отряд сделал съемку течений и мутности в Турушинском узле.

Вечером с 17 до 20 ч вместе с Г.М. Заецом и А. Михиновым делали на «Бегичеве» промер Турушинского переката.

23 июля. Штиль, жарко.

Прилетал самолет полярной авиации и сбрасывал поплавки с краской. Это сотрудники Арктического и Антарктического института (ААНИИ) пытаются определять скорости течения при помощи азросъемки. Время выбрали не совсем удачное, – прилив остановил стоковое течение (подпор).

Тепло, комаров нет. Решили искупаться и на «Казанке» пошли на ухвостье (длинное окончание острова) о. Лопатный, где на песчаном мелководье долго бродили голышом.

Вечером собрался поохотиться на зайцев. Уровень воды понизился, обнажились отмели, поросшие сочной травой. Зайцы выходят из густых зарослей ерника, которым поросли все дельтовые острова, греются на солнышке и лакомятся вкусной травой. Близко не подпускают, но все же одного я добыл.

Утром уходим в Байкаловск.

28 июля. Солнечно, тепло, тихо. Ждем приезда проф. В.Н. Михайлова (научный руководитель работ) и инженера Вадима Робсмана, который должен привезти сейсмоакустическую установку. В.Н. Михайлов прилетает 7 августа (забронировали номер в гостинице), а В. Робсман застрял в Москве из-за отсутствия керосина для авиаспецрейсов. Собирается выехать поездом до Красноярска, а потом – на рейсовом теплоходе до Дудинки.

Мы же за это время должны снять пережат Безымянный (район о. Песчаного), где сейчас работают Гриша Заец и А.Л. Богомоллов, а потом повторить промер Турушинского пережата и снять заход в протоку Лопатную.

Утром отчалили из Дудинки и через 5 часов подошли к островам Песчаным. По дороге молодой рулевой Коля из-за плохого знания лоции пытался посадить на мель судно (ниже о. Никитского), но мы ему помешали это сделать.

31 июля. Сильный восточный ветер. Встали под берегом на двух якорях. Надоело отстаиваться, и решили пойти в пос. Караул. Высадиться на берег не смогли из-за сильной волны и ушли в протоку Богатую, куда вдруг через пару часов появился А. Ф. Миллер (завмаг из Мунгуя) и сообщил, что «появились 5 комаров и 2 мухи» (был сильно выпивши). Глянули в окно – штиль. Снялись с якоря и ушли на Турушинский пережат.

2 августа. В 12 ч дня встали на якорь в створе навигационных знаков Лопатный и Турушинский на суточную гидрологическую станцию. Глубина – 8 м, ветер северо-восточный 5 м/с, волна 1–2 балла.

Напротив нас гидрографическое судно «Капитан Евгенов» ставит береговые знаки с помощью вездехода и понтона-аппарели.

К 17 ч внезапно задул северо-восточный ветер, и пришлось удирать на отстой в протоку. Обложной дождь. С островов ветер приносит горький и пряный запах тайги.

5 августа. Суточная станция не получилась из-за поломки вертушки. Стоим у мыса Каргинского и продолжаем промер пережата Безымянного с 11 ч дня до 11 ч ночи.

7 августа. Уходим в Дудинку встречать проф. В.Н. Михайлова, а также для организации списания пришедшего в негодность экспедиционного имущества и встречи факультетской комиссии во главе с главным бухгалтером А.В. Горячевой. Арендуем квартиру из 3-х комнат с ванной, электропечью, двумя холодильниками и стиральной машиной.

11–13 августа. В Дудинку прибыл Вадим Робсман и Слава Мutowкин на теплоходе «Мурманск» с геофизической аппаратурой. Через два дня, собрав и отладив приборы, вышли вечером в Байкаловск. Капитан, как обычно, «крепко взял на грудь» и по ошибке заехал в протоку Мал. Енисей. Встали на якорь до утра, чтобы проспался.

Пасмурно. Ветер северо-западный. Туман.

15–18 августа. Капитан поклялся (при свидетелях) больше «не брать в рот спиртного».

Проводим сейсмоакустическое зондирование дна в Турушинском узле и в протоке Лопатной.

20 августа. Вернулись в Дудинку поздно ночью. Шли 15 часов в сильный шторм. Северо-восточный ветер, сильно похолодало.

Весь обратный рейс пришлось стоять рядом с капитаном и контролировать его порой безграмотные действия как судоводителя.

Одновременно обсуждали с проф. В.Н. Михайловым план моей докторской диссертации и кандидатуры оппонентов.

В Дудинке дует северо-восточный ветер 15–17 м/с, температура воздуха днем 0 – +5°, ночью до –3°.

26–27 августа. Завершаем промерные работы в районе мыса Казанского, на перекатах Безымянном и Турушинском и готовимся к перевозке экспедиционного имущества в Дудинку.

В 1979 году Географический факультет МГУ заключает договор с Ленским бассейновым управлением пути на проведение научно-исследовательских работ в дельте р. Лены.

Дельта р. Лены

1979 год

12 июля. Затон Жатайского судостроительного завода на левом берегу р. Лены (ниже Якутска 15 км). Пасмурно, дождь, комара нет, донимают мухи.

Вторую неделю стоим в ожидании, когда врежут вибратор эхолота на «Гидролог». Остальные суда («Бегицев» и «Тральщик», переданный нам во временное пользование) готовы в путь. Продовольствие закуплено, экспедиционное имущество погружено. Буксировать сразу два судна и 5 лодок сложно. Хотим отправить «Тральщик» своим ходом (рулить будет Сергей Харченко).

Наши суда доставили в Якутск перегоним по железной дороге из Красноярска до Усть-Лена 1 июля. За последние две недели они прошли судоводный регистр и мелкий ремонт на заводе.

«Тральщик» приводят в порядок студенты под присмотром С. Харченко: поставили новую мачту, радиоантенну, исправили

проводку, откачали подсланевые (слани – настил на дне судна) воды и вычистили машинное отделение.

Такое впечатление, что на судоремонтном заводе вообще людей нет, бродят какие-то тени. Уговорами и бутылкой водки удалось заманить в субботу рабочих провести трубы для укладки кабеля от эхолота. Здешний радист уехал на рыбалку, и окончательный монтаж эхолота остался до понедельника.

Хотели спустить «Гидролог» на воду, но в последний момент отказался командир плавкрана, т.к. его кран рассчитан на подъем 5 тонн, а «Гидролог» весит 9 тонн. Проблема в том, что сейчас в Жатае других плавкранов нет. Когда же мы отсюда уйдем?

17 июля. В 8 ч утра после 2-х часовой подготовки (швартовка лодок, запуск «Бегичева» – сели аккумуляторы) наконец вышли из Жатайского затона и поплыли вниз по Лене. На ходу отрегулировали крепление лодок и взяли на буксир «Гидролог». «Тральщик» идет самостоятельно. До мыса Быковского – 1625 км.

Солнце, легкий бриз. По обе стороны реки – тайга, песчаная низкая пойма, заросшая кустарником, и высокие 50-метровые коренные берега, сложенные пестроцветными отложениями (мыс Кангаласский Камень).

До устья Алдана фарватер судового хода очень сложный и извилистый как змея, да еще солнце прямо в глаза светит.

18 июля. Стоим возле о. Никода ниже пос. Батамай и пережидаем шторм (ветер северо-западный до 14 м/с). Остров зарос травой по пояс и кустами красной смородины. Утром ели уху из рыбы, которую наловили студенты (сорога, окуни и язи).

Отремонтировали рулевое управление на «Тральщике».

19 июля. К утру ветер стих, и мы пошли дальше вниз по Лене. Солнце, но холодновато.

К 13 ч подошли к Белогорским перекатам и г. Белой на правом берегу – обрывы палевого цвета с елями и соснами. Вдали виднеются Сангарские горы с релейной станцией. Перед входом в протоку Сальную на песчаной косе стоит самоходка как памятник, которую разгружают на машины.

Прошли устье Вилюя и встали в 23 ч на отстой на 1200 км судового хода. На правом берегу вдоль реки на расстоянии 80 км тянется Вилюйский хребет.

20 июля. До Жиганска осталось 100 км. Встали на ночевку в бухте Джиды на 974 км с. х. Штормит от северо-запада. На перекатах стоят суда – мелко.

Обнаружили, что один из буксируемых «Прогрессов» осел в воду. Открыли носовой люк и отчерпали 22 ведра воды.

Ребята на «Тральщике» весь день шли на сухомятке: выхлоп из двигателя шел в камбуз, и готовить горячую еду не было возможности.

21 июля. За 4 часа добежали до Жиганска по штилевой воде.

Поселок стоит на левом коренном берегу, где обрывы полого спускаются к устью реки Стрекаловки. Строения типичные для севера: деревянные одноэтажные дома из бруса. Разбитые дороги. Местные жители выращивают в открытом грунте картофель, а в теплицах – помидоры и огурцы. В магазине масло и мясо по талонам, вместо водки продают питьевой спирт.

Жиганский технический участок Ленского БУПа (нач. В.В. Саяпин, знает Р.С. Чалова; диплом писал по работам Русловой экспедиции МГУ) имеет 11 судов и две самоходки. Мы просили помочь со складом для экспедиционного имущества, с ГСМ и общежитием для размещения сотрудников Устьевой партии.

Солнечно. Тихо. Жарко. Комаров нет.

В береговых обрывах среди песчаников вскрываются угленосные пласты. На бичевнике – высыпки яшм и сердоликов.

25 июня. Вышли из Жиганска в 15 ч дня. Легкая рябь, моросит дождь.

На «Бегичев» и «Тральщик» погрузили два «Прогресса», тес, бензин и масло. К 23ч прошли 155 км и встали на ночевку в устье р. Мэнкэрэ, вместе с двумя морскими буксирами и сухогрузом чешской постройки.

27 июля. В 8ч утра подходим к пос. Кюсюр, откуда начинается знаменитая «Ленская труба», и где Лена врезается в кряж Чекановского и Хараулахские горы. Речная долина здесь сужается с 40 до 2 км. До дельты Лены осталось 320 км.

К 10 ч вечера подошли к о. Столб, расположенному в вершине современной дельты Лены, и высадились на берег с визитом к начальнику полярной станции «Сокол». От него узнали, что ледоход здесь прошел с 16 по 20 июня. На песчаных островах еще лежит лед и постепенно вытаивает.

Залез на гору Крест-Хая и оттуда стал разглядывать дельту Лены. Необозримые песчаные поля, сильно перевиваемые ветром, поднимающим в воздух мелкий песок, который висит над островами в виде желтого облака.

Только такая могучая река, как Лена смогла преодолеть воздымающуюся перед ней орографическую преграду в виде горного кряжа Чекановского, хребтов Хараулахского, Туора-Сис и Приморского, пропиливать в них узкий и глубокий каньон длиной 150 км и вырваться, наконец, к океану, чтобы создать одну из крупнейших речных дельт мира площадью около 25 тыс. км².

Попадая из широкой (до 40–60 км) аллювиально-пойменной равнины Центральнаякутской низменности в так называемую «Ленскую трубу», естественный «коридор», соединяющий долину Лены с её дельтой, поражаешься грандиозностью и дикой красотой этого природного сооружения! Вся мощь великой сибирской реки оказывается зажатой между отвесными скальными склонами высотой от 200 до 300 м, сложенными известняками, песчаниками и аргиллитами юрской и меловой систем. Берега этого естественного каньона очень живописны и разнообразны: правый берег обычно слабо расчленен и нависает над рекой отвесными обрывами из сложно смятых горных пород рифея и палеозоя, пронизанных интрузиями траппов. Левый берег, сложенный пермскими и мезозойскими отложениями, имеет террасированные склоны и глубоко расчленен каньонообразными долинами ручьев и речек. Здесь на одной из высоких террас в районе с. Чекуровка обнаружены останки ископаемых мамонтов, возраст которых около 25 тыс. лет.

Скальный участок речной долины р. Лены (Ленская труба), с шириной русла не более 1,5–4 км, заканчивается в районе о. Тит-Ары, где река широко разливается по Приморской низменности, оставляя здесь миллионы тонн наносов и формируя многорукавную, сложно разветвленную дельту выдвижения.

Окружающие дельту возвышенности (хребты, кряжи, монокли) и поверхность островов дельты – типичная лишенная растительности арктическая тундра, частично заболоченная,

с мерзлотными полигонами, буграми пучения (булгунями) и байджерахами. Преобладающие виды растительности – лишайники, мхи, злаки, бобовые, осока, карликовая ива, ползучая березка и можжевельник. Суровость здешней природы (Полярный круг расположен на 1000 км южнее Ленской дельты в районе пос. Жиганск) подчеркивается перелетовывающими снежниками по склонам северной экспозиции, внезапными снегопадами в середине августа, ледяными и торфяными просями в обрывах пойменных островов. Лед представляет собой реликты прошлых более суровых климатических условий, а торфа наоборот, – свидетели периода климатического оптимума и потепления климата во время последнего послеледниковья 5–2,5 тыс. лет назад.

*Памятный знак на могиле путешественника Де-Донга
(В. Н. Михайлов, В. Коротаев, А. Богомолов, Г. Заец и студенты)*

29 июля. Сегодня решили двинуться вниз по Быковской протоке до о. Лагутин, где попытаемся организовать временную базу экспедиции. Туман, очень похолодало, изо рта идет пар.

По дороге встретили бот «Океанолог», – судно Тиксинского управления гидрометеослужбы (ТУГМС), которое размещается в Тикси и откуда бот проташил через ледяные поля ледокол. Коллеги из ТУГМС измеряют расходы в Быковской протоке и на устьевом баре протоки Оленёкской.

На о. Малышев расположена гидрометеостанция с двумя наблюдателями, которые живут здесь с июня до ноября.

1 августа. Стоим возле о. Лагутин. Типичный для этих широт дельтовый остров с полигональной тундрой. Берега острова высотой до 3 м интенсивно размываются, обрушаясь торфяными блоками в реку. Впоследствии установили время образования этого острова – 1,5 тыс. лет.

Работаем урывками, как позволяет погода. Сделали суточную гидрологическую станцию, съемку мутности и промер по судовому ходу на перекате Дашка.

Южный ветер приносит тепло и дым от таежных пожаров.

6 августа. Ведем эхолотный промер переката Дашка на «Бегичеве». Солнце прячется за горизонтом всего на 1 час, уступая место на небосклоне огромной луне.

8 августа. Сильно штормит с востока. По утрам – туман. Сильный ветер поднимает в воздух песок. Ждем прихода СТ «Маяк» Жиганского техучастка для заправки топливом.

Студенты на удочку ловят омуля и муксуна весом от 0,5 до 2,5 кг. Вместо мяса приходится пускать в еду гагар, чахохбили из которых после отмачивания в воде вполне съедобно.

11 августа. На СТ «Маяк» приехал А.Л. Богомолов, который займется отбором проб грунта.

Ветер стих, но работе мешает туман. Обрабатываем ленты самописца уровня. Студенты утепляют палатки фанерой, ставят печи. Холодно. Лето кончилось. Хожу в валенках.

14 августа. Туман и дождь. Холодно. Все время дует северный ветер. Горы засыпало снегом. При работе с теодолитом сильно мерзнут руки, – не держат карандаш.

22 августа. С утра было тихо и солнечно. Потом подул холодный восточный ветер. Вечером обычно стоит туман.

Отряды В.А. Милошевича и Г.М. Заеца занимаются гидро-

метрическими работами на перекатах Дашка и Артыдьях. Группа А.Л. Богомолова делает грунтовую съемку в протоке Быковской.

Работаем в снежных зарядах. На берегу разводим костры и отогреваемся.

28 августа. *Периодически идет снег. Горы и тундра все в снегу. Ночью в ведрах замерзает вода.*

Весь день работали на перекате Бурдуктах в метель, заканчивая отбор донных грунтов. На этом поставили жирную точку на работах этого года.

Сворачиваем базовый лагерь и на всех своих судах начинаем обратное движение вверх по Лене до Якутска.

По результатам научно-исследовательских работ в устьях рек севера Сибири были опубликованы десятки статей в научных журналах и сборниках, а также 2 монографии и тематический Атлас. В 1990 г. я защитил докторскую диссертацию на тему «Морфология и динамика речных дельт и региональные особенности дельтообразования», а в 1991 г. опубликовал монографию «Геоморфология речных дельт».

Нижняя Волга и ее дельта

В 90-х годах прошлого столетия (времена так называемой «Перестройки») мы лишились финансовой поддержки наших научных исследований в устьях рек севера Сибири и были вынуждены искать спонсоров в других регионах. Судьба свела нас с Владиславом Поликарповичем Кудлаенко – начальником Астраханского комплексного проектно-изыскательского отдела (АКПИО) ООО «Союзморниипроект», который руководил инженерными изысканиями в дельте Волги.

На общем фоне развала экономики, науки и образования, его незначительные по объемам (не более 100 тыс. рублей) хозяйственные договора явились для нас настоящим спасательным кругом. За период 1990–1994 гг. небольшой коллектив научных сотрудников Устьевой партии (В.Н. Коротаев, А.Л. Богомо-

НИЖНЯЯ ЯНА

устьевые и русловые процессы

Д.Б.Бабич, В.Н.Коротаев, Д.В.Магрицкий,
В.Н.Михайлов

Нижняя Индигирка:

устьевые и
русловые процессы

АТЛАС

**МОРФОДИНАМИКА УСТЬЕВЫХ СИСТЕМ КРУПНЫХ РЕК
АРКТИЧЕСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ РОССИИ**

Москва 2017

лов, Г. М. Заец, А. И. Штраух) исследовал морфологию дна и деформации русла Астраханского водного узла, наиболее проблемного в судоходном отношении Харбайского переката и морского участка Волго-Каспийского морского судоходного канала.

Совершенно неожиданно для нас, – профессиональных изыскателей, прошедших суровую экспедиционную школу в устьях рек севера Сибири, нам пришлось испытать большие затруднения в проведении полевых работ в дельте Волги. Как оказалось, многие дельтовые рукава и протоки в приморской зоне были буквально нашпигованы браконьерскими сетями и «самоловами». При промерах мы постоянно натывались на полузатопленные рыболовные снасти, наматывая их на винт моторной лодки или подцепляя дночерпателем при отборе проб донного грунта. Из-за этого постоянно возникали напряженные переговоры с местными жителями, которые (как оказалось) с берега внимательно следили за нашими перемещениями.

В это же время (1994 год) ко мне обратился мой давний хороший знакомый – профессор Николай Александрович Айбулатов, зав. Лабораторией литодинамики береговой зоны Института океанологии РАН с просьбой найти возможность проведения совместных исследований с Лабораторией гидролокации дна, где по словам Айбулатова: «Пропадают хорошие люди!». Так мы познакомились с заведующим этой Лабораторией Николаем Андреевичем Римским-Корсаковым (кстати, правнуком знаменитого композитора!), не подозревая, что это

знакомство затянется на долгие годы и перерастет в эффективный научный тандем океанологов-геофизиков и географов-устьевиков. Начиная с 1995 года и до настоящего времени, наши совместные научно-исследовательские работы в низовье Волги и в её дельте, в устьях рек Дона, Кубани, рек, озер и водохранилищ, в эстуариях арктического побережья Европейской части России и на шельфе полуострова Крым получали финансовую поддержку Российского фонда фундаментальных исследований и Русского географического общества. В наших работах были реализованы продуктивные идеи новейших разработок геофизической аппаратуры, созданной в Лаборатории гидролокации дна ИО РАН, для изучения морфологии дна дельтовых рукавов и осадочной толщи в устьях рек.

За это же время по заданию и за счет финансирования «Союзмориипроекта» мы изучили возможность организации русловых карьеров для добычи грунта в рукаве Бахтемир; провели изыскания по трассам газовых переходов с целью оценки современного состояния подводных дюкеров, а также выполнили большой объем промерно-грунтовых и гидрологических работ по трассе Волго-Каспийского морского судоходного канала по программе оптимизации судоходных условий.

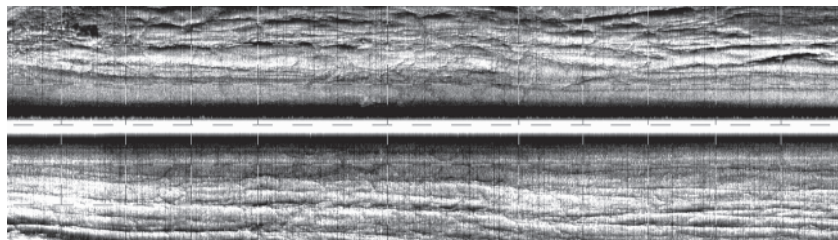
Наша небольшая изыскательская группа, обычно состоящая из 4-х человек (от Института океанологии – Н.А. Римский-Корсаков с помощником-инженером и от МГУ – В.Н. Коротаев и старший научный сотрудник Вадим Витальевич Иванов), базировалась и работала на судне Астраханского проектно-изыскательского отдела «Союзмориипроекта». Первый полевой сезон (1995 год) мы приспособливали геофизическую аппаратуру для речных условий (малые глубины, пресная и мутная водная среда) и делали пробные рейсы в районе г. Астрахани по речному участку трассы Волго-Каспийского канала и в дельтовом рукаве Бахтемир.

Поскольку прежняя работа наших коллег из Института океанологии была связана с изучением дна океана и морей, а наши научные интересы были связаны с морфологическим строени-

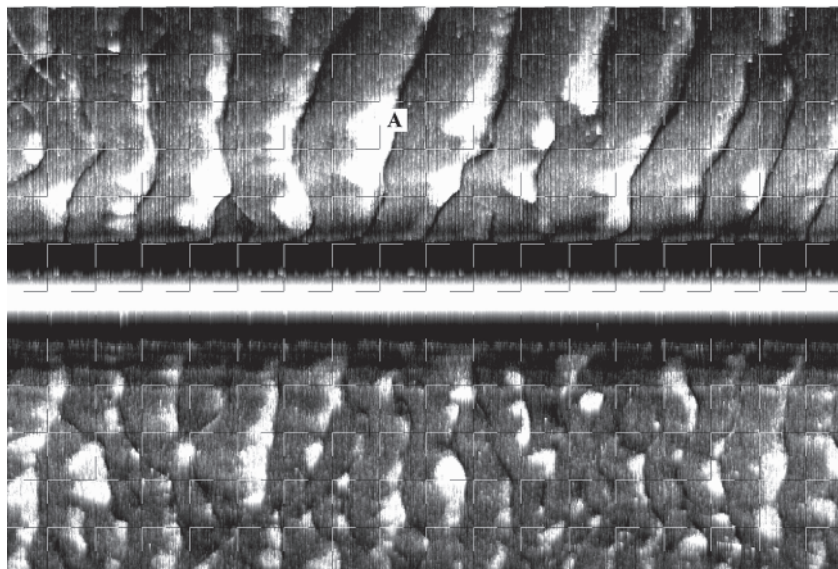
ем речных русел, то пришлось долго и трудно находить понимание общих задач, необходимых для выполнения заявленных целей в инициативных проектах РФФИ, которое финансировало наши исследования. Вначале нашему взаимопониманию очень мешали годами выработанные традиции морских экспедиций. Например, обязательно приезжать к поезду уже в состоянии хорошего подпития и исполнять в купе песню про «священный Байкал и омулевую бочку». Мы с Вадимом Ивановым не мешали исполнению этих традиций, но старались удерживать наших коллег в рамках допустимого в то время «отмечания отъезда». Однако это не всегда удавалось сделать, что приводило к тому, что по прибытии в Астрахань некоторые наши коллеги иногда дико оглядывались по сторонам и спрашивали: «Где мы и зачем мы здесь?» Справедливости ради стоит отметить, что во время полевых работ все морские традиции забывались и мы «пахали» с утра до вечера. Единственно, что мы себе позволяли, так это в обед и ужин распить одну-две бутылки водки под хорошую закуску в виде целого таза нарезанных и хорошо посоленных спелых астраханских помидор с репчатым луком. Команда катера в этих, уже речных традициях, участия не принимала, так как по их словам «была в завязке» и просила лишь покупать им хороший шоколад!

Следующие два года (1996–1997 гг.) мы занимались гидроакустическими и гидрографическими работами на Нижней Волге (от Астрахани до Волгограда) и рукавах дельты Волги (Болда, Шмагина, Бушма, Бузан), собрав уникальный материал по грядовому строению рельефа дна и литологии донных отложений. Впервые были обнаружены участки дна на Нижней Волге и в дельтовых рукавах протяженностью от 1 до 11 км, полностью лишенные русловых отложений, подтверждающие дефицит наносов, после сооружения плотины Волгоградского водохранилища. На отдельных участках дна реки Волги в пределах Волго-Ахтубинской долины и на дне рукавов дельты (Волга, Бахтемир, Бузан, Кизань, Бушма, Болда) вскрывались морские хвалынские глины, которые местами перекрывались

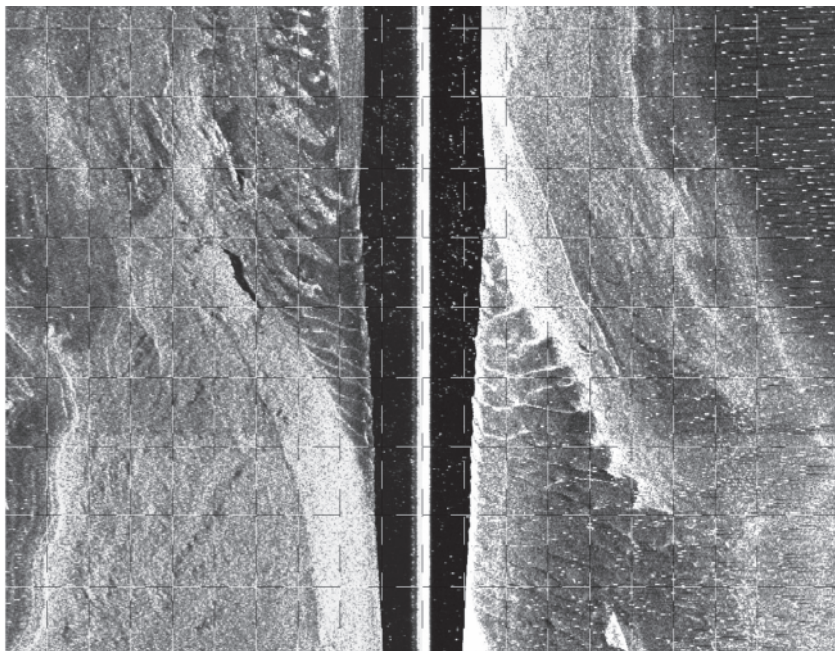
песчаными отложениями в виде грядовых форм движения речных наносов.

*Гидролокационное изображение выходов морских глин
в районе с. Копановка*

*Гидролокационное изображение песчаных гряд
в дельтовом рукаве Волга*

Гидролокационное изображение песчаного русла среди глинистых отмелей

Результаты этих многолетних исследований (1995–2018 гг.) опубликованы в десятках статей в научных журналах и сборниках, а также в двух монографиях и двух тематических Атласах.

До новых встреч!

В. Керейшвили

В. Н. КОРОТАЕВ

**ОЧЕРКИ ПО ГЕОМОРФОЛОГИИ
УСТЬЕВЫХ И БЕРЕГОВЫХ
СИСТЕМ**

Избранные труды

Географический факультет МГУ, 2012

НИЖНЯЯ ВОЛГА

**ГЕОМОРФОЛОГИЯ, ПАЛЕОГЕОГРАФИЯ
И РУСЛОВАЯ МОРФОДИНАМИКА**

ГЕОС

АТЛАС
РУСЛОВОЙ МОРФОДИНАМИКИ НИЖНЕЙ ВОЛГИ
(ВОЛГОГРАД – АСТРАХАНЬ)

ATLAS
THE LOWER VOLGA CHANNEL MORPHODYNAMICS
(VOLGOGRAD – ASTRAKHAN)

АТЛАС ДЕЛЬТЫ ВОЛГИ

*ГЕОМОРФОЛОГИЯ,
РУСЛОВАЯ И БЕРЕГОВАЯ МОРФОДИНАМИКА*

Москва 2015

Список изданной литературы

1. Атлас русловой морфодинамики Нижней Волги (Волгоград–Астрахань) / Редакторы: В.Н. Коротаев, Д.Б. Бабич, Р.С. Чалов. – М.: Изд-во Московского ун-та, 2009. 232 с. (англ.-русс.).
2. Атлас дельты Волги: геоморфология, русловая и береговая морфодинамика / Ответственные редакторы: В.Н. Коротаев, Г.И. Рычагов, Н.А. Римский-Корсаков. – М.: АПР, 2015. 128 с.
3. Атлас «Морфодинамика устьевых систем крупных рек арктического побережья России» / Ответственные редакторы: В.Н. Коротаев, Г.И. Рычагов, Н.А. Римский-Корсаков. – М.: АПР, 2017. 148 с.
4. Коротаев В.Н. Береговая зона озера Иссык-Куль. – Фрунзе: Илим, 1967. 154 с.
5. Коротаев В.Н. Геоморфология речных дельт. – М.: Изд-во Московского университета, 1991. 224 с.
6. Коротаев В.Н. Очерки по геоморфологии устьевых и береговых систем (Избранные труды). – М.: Географический ф-т МГУ, 2012. 540 с.
7. Нижняя Волга: геоморфология, палеогеография и русловая морфодинамика / Под ред. Г.И. Рычагова и В.Н. Коротаева. – М.: ГЕОС, 2002. 242 с.
8. Нижняя Индигирка: устьевые и русловые процессы (Д.Б. Бабич, В.Н. Коротаев, Д.В. Магрицкий, В.Н. Михайлов). М.: ГЕОС, 2001. 202 с.
9. Нижняя Яна: устьевые и русловые процессы / Ответственные редакторы: В.Н. Коротаев, В.Н. Михайлов, Р.С. Чалов. – М.: ГЕОС, 1998. 212 с.
10. Геоморфологическая карта Волго-Ахтубинской поймы (В.Н. Коротаев, И.А. Лабутина, А.В. Чернов) / Ответственный редактор – Г.И. Рычагов. – Лелистад (Нидерланды): Институт управления внутренними водами и очистки сточных вод РИЗА, 2002 (англ.-русс.).

Содержание

Предисловие.....	3
Летние полевые практики.....	6
<i>Северная Двина</i>	
1957 год.....	7
<i>Каспийское море</i>	
1969 год.....	26
<i>Озеро Иссык-Куль</i>	
1960 год.....	32
Мои экспедиции.....	34
<i>Озеро Иссык-Куль</i>	
1962–1968 гг.....	36
<i>Тазовская губа</i>	
1969 год.....	47
1970 год.....	58
1971 год.....	67
<i>Дельта р. Яны</i>	
1971 год.....	74
1972 год.....	81
<i>Дельта р. Индигирки</i>	
1974 год.....	92
1975 год.....	98
<i>Дельта р. Енисей</i>	
1976 год.....	103
1978 год.....	109
<i>Дельта р. Лены</i>	
1979 год.....	112
<i>Нижняя Волга и ее дельта</i>	
Список изданной литературы.....	127